

148a

ТРУДЫ
АЗЕРБАИДЖАНСКОГО
НЕФТЯНОГО ГЕОЛОГО-РАЗВЕДОЧНОГО
ТРЕСТА
ВЫПУСК 14

Профессор С. А. КОВАЛЕВСКИЙ

К ИСТОРИИ
ЮЖНОГО ПРИКАСПИЯ
В ПЕРВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ
ДО НАШЕЙ ЭРЫ

ОНТИ-
АЗНЕФТЕИЗДАТ
БАКУ—МОСКВА
1934

ТРУДЫ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО
НЕФТЯНОГО ГЕОЛОГО-РАЗВЕДОЧНОГО
ТРЕСТА
Выпуск 14

Профессор С. А. КОВАЛЕВСКИЙ

К ИСТОРИИ
ЮЖНОГО ПРИКАСПИЯ
В ПЕРВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ
ДО НАШЕЙ ЭРЫ

БИБЛИОТЕКА
Геологического Ин-та
Арт. Фил. Ан. Ин-та СССР

ОНТИ-АЗНЕФТЕИЗДАТ
БАКУ-МОСКВА
1934

972
12-56

5938

1р. 50к.

АН-99-5-4

Техн. редактор и выпускающий А. М. Удамый

Сдано в набор 25/VII—34 г.

Подписано к печати 28/IX—34 г.

2⁵/₈ печатных листа и 2 вклейки

166.080 тип. знаков

№ 1305

Типография „Красный Восток“ Бакполиграф. Баку, Карантинная, 84

Главлит № 7820

Заказ № 4273

Формат 72×104/16

Тираж 1000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор настоящей работы—геолог, длительно работающий по нефтяной геологии в Прикаспийском районе.

Почти непрерывным поясом окружают нефтяные месторождения пустынное Каспийское море, давая исследователю их возможность знакомиться не только с геологическим обликом отдаленного от культурного массива внутреннего моря номадов, но и с географической характеристикой его пустынного окаймления и с его малоизученными историко-археологическими памятниками прошлого.

Чем глубже общение с этими данными, тем сильнее убеждение, что ныне пустынное прозябание приморья исчезает с глубиной веков и Южный Прикаспий приобщается к древнейшим боевым очагам человеческой жизни.

Изучение наследства прошлого, оставленного нам на берегах Каспия, уводит нити человеческой истории вглубь пластов морских террас, переплетая их там с концами нитей геологической истории района. Отсюда возникают предпосылки к решению интереснейшего вопроса—определения геологической глубины исторического времени на берегах Каспийского моря. Этот вопрос автор впервые ставит в своей работе „Лик Каспия“, намечая, на основании обобщения геологического и исторического материала по Прикаспию, схему развития истории моря и жизни на его берегах за последнее 3500 лет. Центральным моментом полученной схемы является неожиданно высокий в историческом прошлом уровень моря, достигавший + 20 м. еще за 2200 лет до наших дней.

В данной работе автор берет этот период высокого уровня моря и на соответственно реконструированной географической основе пересматривает исторические факты по Южному Прикаспию.

Новая географическая ситуация позволяет по-новому прочитать ряд темных страниц древнейших исторических книг и, наряду с этим, понять тот, казавшийся необъяснимым, факт, что все древнейшие вещественные памятники прикаспийского прошлого, как курганы и ранние города приморья, лежат исключительно на прибрежных террасах, поднятых на десятки метров выше современного уровня моря, как это впервые подметил еще в 70-ых годах прошлого столетия археолог А. В. Комаров.

1. ДЕРБЕНТ—ГОРОД ТЕРРАСЫ ДРЕВНЕЙШИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИКАСПИЯ

В одной из последних глав „Лика Каспия“¹ мы для определения уровня моря, бывшего в дни его максимального западания, воспользовались указанием арабского писателя Ибн-Русте о том, что стены Дербента, в своем стремлении загородить морской проход, далеко углубились в ванну высыхавшего Каспия. Тогда мы пришли к выводу, что пределом западания уровня моря была изобата — 56 м, считая от геодезического нуля. Однако, к данному времени несколько новых фактов, замеченных нами в позднейшие дни, заставляют пересмотреть эту дату, наметив пределы возможного снижения уровня моря в его наиболее маловодную баб-эль-абвабскую фазу.

Указание Ибн-Русте, что стены Дербента „врезаются в море на 3 мили“, мы ранее использовали, произведя отсчет длины в 3 мили от уреза воды, бывшего во времена Ибн-Русте, то-есть в середине IX века, и пришли к допускаемому снижению уровня до 56 м. В данный момент у нас намечается еще одно возможное толкование этого сообщения.

Современный Дербент тянется узкой лентой вдоль его древних стен от вод моря вглубь гористого берега. При этом город явно распадается на две части: нижнюю планированную русскую часть новой стройки, простирающуюся по пологому побережью от водной грани до начала первой береговой террасы, подошва которой отмечается на уровне 20 м, над океаном, и верхнюю, старинную часть города аборигенов. Верхняя часть, сдавленная древними стенами, поднимается бесплановой путанной стройкой по уклону террасы почти до квадратной цитадели, лежащей на вершине первого от моря небольшого каменного гребня. Эта высокая, основная часть города так же, как прилегающие к ней за стенами участки 20-метровой террасы, ныне сосредоточивают в себе все городские древности, свидетельствуя о том, что только район 20-метровой террасы (не ниже) и был в прошлом местом оседлости.

Так, например, внутри города, около верхних ворот Джарчи-капы северной стены, сохранился древний минарет XII—XIII века. За стеной, в поясе кладбищ, бесконечно раскинувшихся по террасе к северу и югу от города, с северной стороны указывается братская могила Кыркляр (Сороковик), относимая преданием к останкам первого арабского завоевателя Дербента Сальман-ибн-Рабиа, погребенного здесь в числе 40 избранных соратников из отряда в 4000 арабских воинов, перебитых в конце VII века хазарами. Существует еще ряд могил, мавзолеев, водоемов, фонтанов, портиков и т. п. сооружений древности, восходящих ко временам арабского владычества здесь, а может быть и значительно более ранним (могилы), разбросанных в различных местах 20-метровой террасы. Все эти древности на плане Дербента располагаются западнее меридиана ворот Кыркляр-капы северной стены. Об исконной незаселенности нижней части современного Дербента, города, всегда лепившегося

¹ С. Ковалевский. Лик Каспия, Азнефтеиздат, Баку, 1933 г.

лишь на 20-метровой террасе между стенами дербентской преграды у древней цитадели, свидетельствуют и исторические источники, восходящие до X века нашей эры. Так, Истахри сообщает, что между 915 и 921 г. „Дербент занимал в длину и ширину одной то же пространство“. Если принять во внимание ширину города, зажатого между стенами преграды, определявшуюся персидским географом XIII века Казвини „равной полету стрелы“ или, по определению монаха Рубрука, посетившего Дербент в 1254 году, равную „расстоянию, на которое можно бросить камень“², то мы увидим, что Дербент-город в своем приарабском прошлом никогда не выходил из рамок современного верхнего сельбища, примыкавшего к цитадели на гребне.

Также и в XV веке, по замечанию В. В. Бартольда, „Дербент занимал только пространство, которое примыкает к цитадели на гребне, (одну шестую длины стен от цитадели до моря, то-есть около 0,5 км); остальное пространство между стенами было пустынным“.

Наглядное представление об этом совершенно пустынном пространстве между стенами ниже террасы до берега моря дает рисунок участника немецкого посольства Олеария, посетившего Дербент в 1638 г. Рисунок этот можно видеть приложенным к статье Н. В. Ханькова „О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря“³.

Поэтому мы не сделаем ошибки, приняв, что город Дербент был основан (и существовал в таком виде почти до завоевания русскими) на первой береговой террасе, подошва которой, как указывалось, лежит на 20 м выше уровня океана, а на плане проходит близ ворот Кыркляр-капы. Исходя из этих данных, указание Ибн-Русте, что „город Баб-ал-Абваб тянется от вершины горы Кабк до Хазарского моря и врезается в воду на 3 мили“ (6 км), можно использовать, отсчитывая длину не только от берега моря (то-есть от уреза воды), как мы делали ранее, но также и от бывшей окраины города, то-есть от подошвы первой морской террасы, проходящей у ворот Кыркляр-капы.

Кроме того, при прежнем отсчете мы брали уклон берега равным 0,017 м по ханьковским измерениям в прибрежной полосе. И эту цифру можно уточнить по данным плана Дербента и его бухты, составленного в 1859 г. По этому плану на побережье значатся еще обе стены. В море на протяжении стен в расстоянии около 100 м от берега отмечены россыпи подводных камней. Далее, на протяжении около 700 м от берега показаны две широкие мели, являющиеся продолжением полосы подводных камней. Узнать в этих мелях остатки былых стен, каменных или земляных—нетрудно. Наконец, в 900 м от берега, в направлении южной стены, уже в области глубин 36—38' отмечены еще раз подводные камни, могущие отвечать рассыпанной башне. В виду того, что на всей с'емке камни нигде не указываются, кроме линии стен, следует признать,

² В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира.

³ Два подробных рисунка древнего Дербента можно также видеть в книге Е. И. Козубского, „История города Дербента“.

Правда, Олеарий свой рисунок сопровождает заметкой: „нижняя часть (Дербента), длиною в 2000 простых шагов совершенно лишена домов и имеет лишь немного садов и пашен. Как они говорят, она была населена греками, вследствие чего и по сию пору именуется Шекри-юнан—город греков“. Русская стройка с ее глубокими фундаментами в нижней части города до сих пор не дала никаких признаков греческого города. Ясна ошибочность отнесения Олеарием названия Шекри-юнан к нижней приморской части, вместо нижней прикрепостной.

что все эти камни могут относиться исключительно к бывшим строительным сооружениям, ныне поглощенным волнами моря. С'емка и план 1859 г. обрываются в расстоянии 1000 м от берега при глубинах моря около 40' (12 м) и о дальнейшем характере дна против Дербента у нас больше сведений нет.

Снижение глубины на 40', при 1000 м дает уклон дна около берега несколько меньший, чем получалось по ханьковским вычислениям, именно — не 0,017 м, а около 0,011 м на 1 м длины. Эти новые поправки дают возможность наметить предел углубления стен в море в следующих гранях.

1. При отсчете длины стен в 6 км от бывшей при арабах черты города, то-есть от Кырклярских ворот, лежащих приблизительно в 2 км от берега моря, стены должны были уйти в воду от современного берега еще километра на 4 и достигнуть глубину 68 м, считая от подошвы 20-метровой горизонтали, или 48 м при счете от океанического уровня.

2. Если же исходить от уреза воды, бывшего во времена Ибн-Русте, как это мы брали в первый раз, то глубина вхождения стен в море получится в 56 м от уровня океана.

Из факта расположения городских построек и кладбищ старого Дербента на древнем высоком берегу, образованном 20-метровой террасой, мы с достаточной степенью вероятности можем вывести заключение, что в момент основания города воды моря стояли у подошвы 20-метровой террасы, препятствуя, распространению поселения в более низкие части ныне сухой прибрежной полосы последующего отступления моря.

Последним историческим моментом столь высокого стояния Каспия были, как мы видели ранее⁴, дни плавания Патрокла, отстоящие от наших дней на 2200 лет. Этой датой, III веком до нашей эры, фиксируется ближайший благоприятный момент возможного основания оседлости на месте Дербента⁵.

⁴ Лик Каспия.

⁵ Е. И. Козубский в своей монографии „История города Дербента“, останавливаясь на вопросе о времени основания города и его стен, сообщает, между прочим, что „по местному летописцу Мирзе Хедиру Везирову, цитадель города (Нарын-кале) построена за 733 года до нашей эры, якобы по повелению царя персидского Лохраспа, из мифической династии Каянидов“. Однако, автор труда оценивает скептически это указание, находя, что появление оседлости на месте Дербента не является столь древним, „история же местности, на которой стоит город, может быть начата с глубокой древности“. Утверждение Е. Маркова, что „несомненно в VII веке до Р. Х. в эпоху нашествия скифов на Персию Дербентские или Каспийские ворота были уже выстроены“, Козубский также находит слишком смелым. Вместе с этим, на основании раскопок курганов, лежащих у Дербента и особенно многочисленных с его северной стороны, установлено наличие в них двух, повидимому, одновременных видов погребения, из которых погребение с расчленением, носящее следы чистого зороастризма, относимого в Бактриане к середине III тысячелетия, в дербентских курганах относится автором, следом за А. С. Уваровым, к V—VII веку до нашей эры. Таким образом, данные курганных раскопок около Дербента, свидетельствующие о древней населенности этих мест, отнюдь не опровергают „смелых допущений Маркова“.

2. СКИФИЯ ПО ГЕРОДОТУ

Более ранним историческим указанием на наличие укреплений и, следовательно, оседлости в районе Дербента, по нашему мнению, является сообщение Геродота о так называемых „киммерийских стенах“ и передаваемое им повествование Аристея Проконесского о его плавании к исседонам, давность которых уже восходит к середине VII века до нашей эры или, примерно, за 2600 лет до наших дней.

Для обоснования высказываемого взгляда о тождестве местоположения киммерийских и дербентских стен мы вынуждены глубоко коснуться вопроса о содержании понятия „геродотовская Скифия“, которая раскинулась, по этому историко-географу, на киммерийских полях.

О скифах Геродот в IV книге говорит так:⁶

„19. К востоку от этих „скифов земледельцев“ (кавычки наши С. К.) — обитают уже скифы кочевники (герры)... Кочевники занимают область к востоку до реки Герра (вершина Донца выше Оскола).

20. По ту сторону реки Герра находятся так называемые царские владения и живут храбрейшие и многочисленнейшие скифы, „прочих скифов“ (кавычки наши С. К.) почитающие своими рабами.

46. Скифы не имеют ни городов, ни укреплений, но передвигают свои жилища за собою и все они конные стрелки. из луков; пропитание себе скифы добывают не земледелием, а скотоводством и жилища свои устраивают на повозках.

61. Скифами в жертву приносятся всякие домашние животные, преимущественно лошади...

63... Свиной они вообще не имеют обыкновения содержать в своей стране.

64. Военные обычаи их таковы: скиф пьет кровь первого убитого им врага... С головы (противника) он снимает кожу (скальп) следующим образом: кругом головы около ушей делает надрез, потом берет голову в руки и вытряхивает ее из кожи, засим... выдвывает кожу в руках, делая ее таким образом мягкой, затем употребляет ее как утиральник, привязывая ее к уздечке той лошади, на которой ездит сам, и гордится этим. Скиф, располагающий наибольшим числом таких утиральников из кожи неприятелей, почитается доблестнейшим человеком“.

Младший сверстник Геродота, Гиппократ дополняет характеристику скифов-кочевников еще следующими чертами („О воздухе, воде и местностях“).

„26. Скифское племя значительно отличается от прочих людей.

28. Все скифское племя рыжее...

26. Скифы отличаются толстым, мясистым, не членистым, сырым и не мускулистым телом... Благодаря тучности и отсутствию растительности на теле обитатели похожи друг на друга, мужчины на мужчин и женщины на женщин...

⁶ Геродот. Переводы Ф. Г. Мищенко и В. В. Латышева—А. Бессмертного.

28. Скифское племя не плодовито...

29. Сверх того, между скифами встречается много евнухов, они... надевают женское платье, открыто признавая этим свое бессилие.

25. Живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырёхколесные, а другие — шестиколесные, они кругом покрыты войлоком и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя отделениями... В эти повозки запрягают по две или по три пары безрогих волов. В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях; за ними следуют их стада овец, коров и табуны лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее нехватает, переходят в другую местность. Сами они едят вареное мясо, пьют кобылье молоко и едят „иппаку“ (это сыр из кобыльего молока)“...

Здесь перед нами яркий тип „доителя кобылиц“, восточного примитивного кочевника монгольского облика, совершенно такой же во времена Геродота и Гиппократата, как и во времена путешествия к „Тохарам“ в XIII веке Платона Карпини и Рубрика.

Но это лишь часть геродотовской Скифии, состоящая из застывших в своем развитии первобытных кочевников, неизбежным уделом которых было вырождение и вымирание, а отчасти и ассимиляция более культурными и жизнеспособными соседями.

Геродот говорит о них:

„76. Подобно другим варварам скифы ревниво избегают заимствования чужеземных учреждений, как „от остальных скифских народов“ (кавычки наши С. К.), так и в особенности от эллинов“.

Эти кочевники, именуемые Геродотом „царственными“ (71) или „природными скифами“ (72), а также „собственно скифами“ (81), составляли основное державное кочевническое ядро Скифии. Подчиненные им массы „остальных скифских народов“ (76), или „прочих скифов“ (20) царственные кочевники „почитали своими рабами“ (20).

Геродот при путешествии в Скифию с несомненностью побывал в торговом „скифско-эллином“ городе Ольвии, откуда, повидимому, и вел через эллинов весь свой обзор Скифии и смежных с ней стран. Обитатели Ольвии, в основном, эллинский элемент, называли себя ольвиополитами. Город этот лежал у Черного моря на Буго-днепровском лимане в центре оседлых земледельческих племен, бывших в подчинении у скифов кочевников. От Ольвии к северу распространялись поселения земледельцев „скифо-эллинов“ — каллипидов. Над ними жил земледельческий „другой народ, именуемый алазонами“. Еще севернее обитали земледельцы, которых Геродот просто называет „скифы-пахари“. И уже за ними находились земли „колдунов“, людей-волков, неводов, народа, хотя и „со скифскими нравами“, но не входившего в скифское политическое объединение и имевшего собственного царя (IV—102).

От Ольвии к востоку в лесистом поморьи обитали гилеи-древляне, а к северо-востоку, по среднему течению Борисфена Днепра (Боришена?), раскинулись поселения крупнейшей группы „скифов-земледельцев“, которые эллинами с Гипаниса-Буга назывались „борисфенитами“. На землях борисфенитов также был на берегу Днепра торговый город, колония — Борисфенес⁷, жители которого „себя именовали милетянами“ (78) по месту своего исхода с Эгейского моря.

⁷ Местоположение возможно на месте Киева, в одном из названий которого „Боричев“, спуск к Днепру, можно видеть отголосок древнего имени реки и города.

К северу от культурных земель борисфенитов начинались кочевья „подчиненного царским скифам народа герров, где находится и (царское) кладбище (71)“, а еще несколько далее за пустынными рубежами обитали независимые от скифов кочевые племена андрофагов, „народа особенного, вовсе не скифского (18), имеющего самые дикие нравы... они одни из этих племен едят людей (106)“.

К востоку от места расселения гилеев и борисфенитов начинались царские земли, Скифская орда, простиравшаяся до Танаиса-Дона. Вот эти-то „царственные скифы“—кочевники и „почитали прочих скифов (то-есть, как видим, земледельцев) своими рабами“ (20). Указание Геродота, что общее название всех скифов, по имени одного царя, Сколоты, „скифами⁸ называли их эллины“ (6), должно быть понимаемо, как относившееся только к земледельческому, бывшему тогда порабощенным кочевниками населению Скифии, в названии которого сколоты *εχολοτοις* — sklave — славяне, нетрудно узнать древнейших аборигенов Приднепровья. Несомненно, бывшая унижительной и тяжелой зависимостью более культурного и древнего коренного земледельческого населения Скифии от пришлых примитивных кочевников видна, например, в геродотовском описании рабского самоклеяния, как выражения верноподданнических чувств, всеми скифами во время похорон царя кочевника⁹.

Его труп после бальзамирования в Геррах „везут на повозке к другому (подчиненному кочевникам) народу, тот народ, к которому привозят покойника, должен делать то же самое, что и царственные скифы—именно—и там люди отрезают себе часть уха“... (71).

Таким образом, геродотовская Скифия нам представляется агglomerатом племен, состоявшим, в основе, из трех элементов—господствовавшего ядра пришлых кочевников монгольского типа и подчиненных ему оседлых групп: с одной стороны, аборигенов-земледельцев, главным образом, славян, и, с другой стороны, обитателей древних колоний торговых мореплавателей, пришлых со стороны Эгейского моря, как, например, эллины.

В связи с этим становится понятным одновременное существование среди племен, входящих в состав Скифии, и различных преданий о происхождении „скифов“, без отбора переданных нам Геродотом в трех рассказах.

⁸ По поводу этого слова Ф. Г. Мищенко пишет: „Этимология имени, если только оно не искажение какого-либо из туземных имен, приводит нас к слову *skuphos*—чаша“... „Чашники“—так, вероятно, исказив непонятное название, связанное с кочевниками, в понятное для себя имя, называли эллины все население Скифии, в виду обычая его носить у пояса чаши. Чаша фигурирует и в двух преданиях о происхождении скифов: по нашему в „эгейском“ и в „сколотском“ вариантах.

⁹ Некоторые исследователи, например, В. Ф. Смолин („О передвижении геродотовских скифов в Передней Азии“), ошибочно полагают, что в период похода Дария в Скифию в ней было несколько царей, считая, будто все три отряда, в которые сгруппировались противники Дария, были возглавлены различными царями Скифии: Иданфирсом, Скопасисом и Токсакисом.

Ошибочность этого взгляда ясна из указания Геродота (IV—119), что скифам против Дария из всех их независимых соседей согласились помочь лишь цари бродячих охотников—савроматов, кочевников будинов и колонистов городка Гелона, бывшего в земле будинов. В связи с этим союзники разбиты на три главных отряда: царственные скифы с их царем Иданфирсом, савроматы, чадо полагать, с их царем Скопасисом и гелон-будины (с частью „царственных скифов“, повидимому, восточных, задонских, о которых будет сказано ниже), под началом, скорее всего, царя „многолюдных будинов“ Токсакиса. Гелоны, как народ немногочисленный и сидевший среди будинов, очевидно вошли в последний отряд. Союзников возглавил наиболее могущественный из них царь вся Скифии—Иданфирс.

Первое предание. „А живущие на Понте эллины повествуют так:... гоня перед собою быков Гериона, Геракл прибыл в ту самую страну, тогда еще не населенную, которую теперь занимают скифы. Гериона эллины помещают по ту сторону Средиземного моря, именно, на острове Ерифее (былая „Атлантида“, останцами которой представляются Азорско-Канарские острова), что подле Гадейр (Кадикс), по ту сторону Геракловых столбов (Гибралтар) на Океане... В воспоминание геракловой чащи скифы до сих пор носят чаши на поясах. 10. Таков рассказ эллинов, живущих у Понта“.

В этой легенде, связанной с именем излюбленного мифологического героя эллинов, Геракла, можно видеть попытку объяснить происхождение пришлого эгейского элемента в Скифии, прибывшего туда, несомненно, с запада и впервые обосновавшегося в приморье (по преданию, в Гилее) повидимому за много веков до посещения страны Геродотом, быть может еще в период ранних плаваний на восток, о которых говорят такие сказания, как поход аргонавтов (в котором, к слову сказать, якобы принимал участие и Геракл), или плавание Фрикса и Геллы, восходящее к середине второго тысячелетия до нашей эры.¹⁰

Следует еще в этом предании отметить, что якобы в одной из пещер приморской Гилеи пришлый герой Геракл вступил в связь с какой-то таинственной (полузмеей, полудевой) древлянкой, подарившей ему трех Гераклидов—Агафирса, Гелона и Скифа. В этом можно видеть указание на существование исконного смешения эгейских пришельцев с аборигенами колонизируемых земель, долженствовавшего приводить к образованию новых, родственных и тем, и другим, племенных образований. И в данном случае имена Агафирса, Гелона и Скифа, отвечающие во времена Геродота трем смежным жившим народам: на востоке по Манычу—гелонам, в центре по Днепру—скифам (борисфенитам) и на западе, вверх по течению Днестра (Тирас)—агафирсам, возможно, указывают на такое смешанное происхождение этих народов, земли которых расположились вокруг древних эгейских колоний, некогда осевших среди племен, по нашему представлению, гиркано-каспийского облика: будинов, сколотов и невров.

Второе предание. „5. По словам самих скифов, они юнейший из всех народов и о своем происхождении рассказывают так: первым человеком в этой стране, тогда еще пустынной, был Таргитай, родителями Таргитая они называют, чему я не верю, Зевса („Папай“, 59) и дочь реки Борисфена. Такое происхождение приписывается Таргитаю. У него было три сына: Липоксай, Арпоксай и самый младший Колоксай. При жизни их упали с неба на скифскую землю золотые предметы плуг, ярмо, секира и чаша...“

¹⁰ Интересно отметить, что в преданиях о финикийском расселении по Средиземноморью Масперо передает совершенно такой же рассказ. „Однажды Мелькарт, тирский Геркулес, собрал значительную армию и флот, намереваясь завоевать Иберию, где царствовал в то время Хрисар, сын Гериона. На своем пути он... перешел пролив, которому дал свое имя (Мелькартовы тоже, что Геракловы столбы), укрепил Гадес (Кадикс) и завоевал Испанию. Похитив мифических быков Гериона, он вернулся в Азию через Галлию, Италию“ (Масперо, Древняя история народов Востока. 235. Москва. 1911).

Если к этому мы еще прибавим указание Масперо (249) о том, что финикийская колонизация ко времени вторжения дорян в Пелопонесс, то-есть уже в середине второго тысячелетия до нашей эры, проникла через Эгейское море в Пропонтиду и Понт, достигнув Кавказа (Моверс, Die Phönizier, т. II, часть 2, стр. 297—308), то у нас невольно возникает мысль о возможности родственных связей между ранними эгейскими колонистами Черноморья (киммерийцами) с финикийцами Средиземноморья. Эта мысль, как увидим далее, становится совершенно вероятной.

7. Так рассказывают „скифы“ (кавычки наши С. К.) о своем происхождении, полагая, что от начала их существования или от первого царя Таргитая до похода Дария прошло круглым счетом никак не более тысячи лет, а именно столько“.

Это второе предание, несколько эллинизированное по стилю, безусловно, должно относиться к распространявшимся в глубь континента земледельческим аборигенам страны, крупнейшими из которых намечаются земледельцы Приднепровья—сколоты. Из него мы заключаем, с одной стороны, что земледелие, бывшее во времена Геродота основой их существования, у них так же старо, как и они себя помнят, ибо плуг и ярмо небом, по преданию, были ниспосланы еще при первом царе—родоначальнике пахарей Таргитае. С другой стороны, также ясно, что в своей ранней истории, уходящей корнями к середине второго тысячелетия до нашей эры, население Приднепровья, борисфенито-сколоты, было независимым от кочевников и имело своих царей—земледельцев.

Третье предание. „11. Есть, впрочем, еще один рассказ,—продолжает Геродот,—которому я наиболее доверяю. Состоит он в следующем: скифы — кочевники жили сначала в Азии, потом были потеснены во время войны массагетами и, перешедши реку Аракс, удалились в киммерийскую землю; действительно, страна, населенная теперь скифами, принадлежала первоначально киммериянам“.

Последний рассказ, наиболее реалистичный по форме, относится к „собственно-скифам“—кочевникам, к которым только и может быть приложено приведенное выше указание Геродота, что „скифы не имеют ни городов, ни укреплений и пропитание себе добывают не земледелием, а скотоводством“. Кочевники проникли на „киммерийские земли“ столетия за 2—3 до Геродота или, примерно, за шесть с половиной веков до нашей эры. Вот к этому моменту и должно быть отнесено образование на юго-востоке Европы Скифской орды и потеря коренным земледельческим населением (имевшим, как мы видели, города и укрепления), в частности борисфенито-сколотами и отчасти эллинами, своей независимости.

Из всего сказанного следует заключить, что Геродот за 4 с лишком столетия до нашей эры застаёт земледельческое (в основе—славянское) население Приднепровья в политическом объединении с кочевниками из-за Аракса, именуемом историком Скифией, примерно в такой же исторический момент, как повторился 16 веков спустя в дни Золотой орды. И эта, длившаяся почти тысячелетие, подневольность сколотов, повидимому, и придала их племенному имени его позднейшее переносное значение.

3. ОКРУЖАЮЩИЕ СКИФИЮ НАРОДЫ

Теперь познакомимся еще с дальнейшим расселением скифских племен и окружающих их независимых народов. Южнее царственных скифов по северному берегу Азовского моря жили у „колонии“ эгейцев Кремны „свободные скифы“ (110), называемые Геродотом отцами савроматов; последние же помещались между землями фиссагетов и будинов (116), местоположение которых, скорее всего, намечается в майкопском районе Кубани. Частично скифские кочевья переходили и за Танаис в восточном направлении, где жили „другие скифы“ прибывшие в эту местность по отделении от „царственных скифов“ (22). Эти окраинные задонские скифы распространялись на восток, очевидно, до Каспийского моря, тогда, по всем данным, стоявшего близ восточного подножия Ергеней. В политическом отношении и восточные (отселившиеся) скифы очевидно объединялись под властью „царственных скифов“, так как, по Геродоту, на совете царей всех соседних со скифами народов, собранных по случаю вторжения Дария в Скифию, собственного царя от этих задонских скифов не значится (IV-102). И впоследствии, когда войска Дария в погоне за противником переходят Танаис и вторгаются в кочевья восточных скифов, они, повидимому, входят в отряд будинского царя Токсакиса и оказываются убегающими по Скифии вместе с остальной массой скифов и их союзников (IV-122, 123). В соседстве с ними, видимо, по Ергеням и больше по Калаусу жили голубоглазые и рыжие будины, хотя и бывшие, как и скифы, кочевниками, но говорившие „на языке особом“ (108) и имевшие собственного царя (IV-102). В земле будинов осели торговые мореплаватели, по Геродоту, „эллины“, занимавшиеся земледелием и садоводством и построившие деревянный укрепленный город Гелон, стены которого имели в длину по 30 стадий (~ 500 м) каждая. Наиболее вероятным местоположение Гелона представляется у перехода Восточного Маныча в Западный, там, где впоследствии (уже в X в.) мы застаем хазарское укрепление, охранявшее канал из Каспия в Понт.¹¹ Возможно, что к этому же наиболее важному пункту бывшего водного пути между двумя морями относилось и более раннее название „киммерийские перевозки“. Только наличием водного

¹¹ Весьма интересно, что на пятиверстной с'емке 1891 г. на манычском листе F-2, в пустынном участке, где сходятся вершины Манычей Западного и Восточного, то-есть именно в том его стратегическом месте, где как-раз и предполагается бывшее местоположение древнейшего Гелона и более позднего хазарского укрепления, там топографом помечены два кургана (их вообще много на безжизненной ныне долине Маныча), из которых один назван „Плоским“, другой „Гелюн-толга“ или „Коль туба“.

Повидимому, туземное название „Гелюн-толга“ может отвечать понятию „Холм Гелона“ и в этом отношении оба кургана привлекают к себе исключительное внимание. Возможно, что один из них относится к городищу гелонов, а другой—хазаров. Или же может быть оба принадлежали гелонам, но один является некрополем, а другой городищем. Только археологические раскопки обоих курганов могли бы ответить на этот чрезвычайно любопытный вопрос. Кроме того, южный обрыв Ергеней, в том месте, где, мы полагаем, был город Гелон, носит название „Челон-Хамур“, что также указывает на эпонимов гелонов („джелонов“).

пути по Манычу и можно объяснить столь глубокое внедрение на восток к крайним пределам скифских земель торговых мореплавателей с Эгейского моря, всегда распространявшихся лишь по водным путям и в данном случае, повидимому, укрепившихся в Гелоне на стратегически важном участке прохода из Черного в Каспийское море.

Выше и севернее будинов бродили охотники ирки и фиссагеты, „народ особый и многочисленный“¹²... в землях которых начинались четыре больших реки, протекавших через владения меотов (восточно-азовские поморы) и изливавшихся в так называемое озеро Меотиду (Азовское море): имена этих рек: Лик (Кубань), Оар (Маныч и Калаус), Танаис (Дон) и Сиргис (123) (Сал) или Гиргис, изливавшийся в Танаис“ (57). Судя по приведенному перечню рек, можно думать, что земли названных народов простирались меридиональной полосой от Сала до черкесских земель на Кубани (может быть, до земель осетин—иронов).

Южнее будинов „у подножия высоких гор“, через которые никто не переходил, из-за их „недоступности“, жили „плешивые от рождения (то-есть остававшиеся до старости без растительности на лице) нищие пастухи-агрипеи, „плосконосые и с большими челюстями“ (скуластые)¹³. Питались они преимущественно плодами деревьев и из них, главным образом „понттики“ (черный тут), „плод которого, похожий на бобы, содержит внутри зерно“. Из этого плода они отжимали „густой черный сок—асхи“ (бекмез), который пили с молоком, а из выжатой гущи делали лепешки¹⁴ (23).

Природные данные местопребывания агрипеев, безусловно, указывают на величественный и в то же время теплый и плодоносный Кавказ, но отнюдь не на приземистый и суровый Урал, куда готовы были относить этот народ некоторые исследователи, например, переводчик Геродота Ф. Г. Мищенко. Можно думать, что агрипеи сидели на Северном Кавказе по верховьям р. Кумы.

От „плешивых“ к востоку, надо полагать, вдоль Главного хребта и берега Каспия кочевало последнее и отдаленнейшее из известных скифским осведомителям Геродота племен—исседоны. Об исседонах путешественнику историку рассказывали, что они умерших отцов резали на куски, варили вместе с мясом животных и в кругу со всеми родственниками с’едали на поминках. Исседоны, по всей видимости, помещались в современном Дагестане. Земля их была тем предельным пунктом, откуда до Геродота в Ольвию достигла последняя весть о примыкающих к Скифии странах. И то эта весть, в основном, была добыта его сородичем, эллином с Проконесса (Мармара—остров на Мраморном море) Аристеом (VII век до нашей эры), проникшим до Геродота глубоко в медвежьи углы скифского востока Европы. Конечно, столь дальнее путешествие на Восточный Кавказ до земель, куда не хватало кругозора даже конного скифа, в те времена

¹² В названиях фисса-геты и масса-геты, одновременно упоминаемых Геродотом, мы имеем не только общий корень, но и почти полное звуковое совпадение, что позволяет предположить между этими народами племенное родство, если не тождество. В связи с этим подчеркиваемое Геродотом отличие фиссагетов от „скифов“ должно распространяться и на массагетов.

¹³ По облику, быту и местоположению геродотовские агрипеи, жившие рядом с гелонами, близки к современным калмыкам.

¹⁴ Жители Памира-гальча до сих пор питаются лепешками из тутового теста. Черный тут растет в изобилии в диком состоянии по средним и нижним течениям рек Северного Кавказа и неизвестен на Урале.

относительно легко могло быть осуществимо именно эллинами, корабли которых, опираясь на колонии соотечественников, бороздили все известные воды на тысячи километров от родных берегов. И здесь, видимо, пройдя один из крайних пунктов эгейской оседлости—город Гелон (или Желон)—на стыке двух Манычей, корабль Аристея, „по вдохновению Аполлона прибыл к исседонам“—на Каспии.

Трудно подумать, чтобы Аристей предпринял это отдаленнейшее путешествие просто любознательности ради и забрался к исседонам только потому, что туда можно было плыть через Маныч по водам Каспия. Безусловно, правдоподобнее допустить, что плавание Аристея было деловым, возможно, торговым, и совершалось в пределах существовавших эгейских колоний¹⁵. Тогда его путешествие к исседонам следует рассматривать лишь как попытку достигнуть одной из от дальнейших восточных (но, быть может, далеко еще не последней) колоний его предприимчивых сородичей с Эгейского моря.

Из последующего рассказа Аристея видно, что это путешествие было бесплодным, так как тогда по Восточному Кавказу шла вдоль берегов Каспия передвижка кочевых племен (под давлением скифов, шедших из-за Аракса), и все соседи, по словам Аристея, находились в состоянии войны. Эгейская колония, ради которой, повидимому, Аристей заплыл в землю исседонов, скорее всего находилась на месте современного Дербента—стратегическом пункте перехода из Закавказья на Северный Кавказ, известном как место древнейшей оседлости на Каспийском побережье. В этом отношении чрезвычайно характерно, что прилегающая к цитадели часть Дербента у местного населения искони называлась „греческим городом“ (Юнан-шекри).

На основании всего вышеизложенного, мы положительно готовы утверждать, согласно с местным преданием, что основателями Дербента были древнейшие выходцы с Эгейского моря, впервые окружившие свой город от беспокойных бродячих народов, подобно гелонам, высокой стеной, праматерью стен дербентских. Также весьма вероятно, что эти стены эгейцев уже тогда пытались охватить не только цитадель на холме, но и загородить тот небольшой промежуток (около километра) приморской низины, удобной для движения кочевников, который тогда существовал между холмом и берегом моря, стоявшего у 20-метровой террасы. В имеющемся на картах Птолемея названии Гелда (или Желда), города, отождествляемого с Дербентом, допустимо, что сохраняется еще первоначальное имя этой колонии. Тогда намечающаяся близость названий Гелда и Гелон наводит на мысль о возможности бывшей принадлежности обоих отдаленнейших колоний гелонам. Нет ничего невероятного в том, что гелоны, основное местожительство которых, по Геродоту, отводится на Маныч у Калауса, могли распространиться по водам и дальше вдоль каспийских берегов к югу уже в лезгинские земли. В этом отношении нас готов поддержать Страбон своим сообщени-

¹⁵ Название эгейский в данной работе следует принимать только как пришедший со стороны Эгейского моря, без отношения ко времени возникновения Эллады.

ем, что „скифские племена гелов¹⁶ и легов живут между амазонками и албанцами“ (XI—5—I), то-есть, примерно, в современном Дагестане.

Расположение народов геродотовской Скифии и ее ближайших соседей на существовавшей тогда географической основе произведено на прилагаемых картах: фиг. 1—карта Кавказа времен Геродота и фиг. 2—Карта путей народов.

¹⁶ Гелоны (Γελωνοί) Геродота Страбоном не упоминаются вовсе, вместо них им приводятся гелы (Γελαι), помещаемые там же, где приходились геродотовские гелоны, из чего следует, что речь идет об одном и том же народе.

В древнем армяно-албанском названии Чела, связываемом с Дербентом, следует видеть тех же гелов (гелонов). Возможно, что первую букву своего имени они произносили как *дж*, а не как *г*, откуда и пошло чела, или джела, а не гела (также как сохранившееся название обрыва Челон-хамур в том месте, где был город Гелон). Кроме того, птоломеевское название Дербента „Гелда“, повидимому, правильней читать как Гела“, так как буквы „д“ нет в обозначении владетелей (эпонимов?) этого города ни в геродотовской транскрипции—гелоны, ни в страбоновской—гелы, ни у армянских авторов—чела (джела). Возможно, что „д“ попало впоследствии в название этого города, при одной из многочисленных переписок птоломеевских карт и руководства.

фиг. 1

Карта Кавказа
времен Геродота
V в до нашей эры

ВИДИМОСТИ
 Геологического Института
 Академии Наук СССР

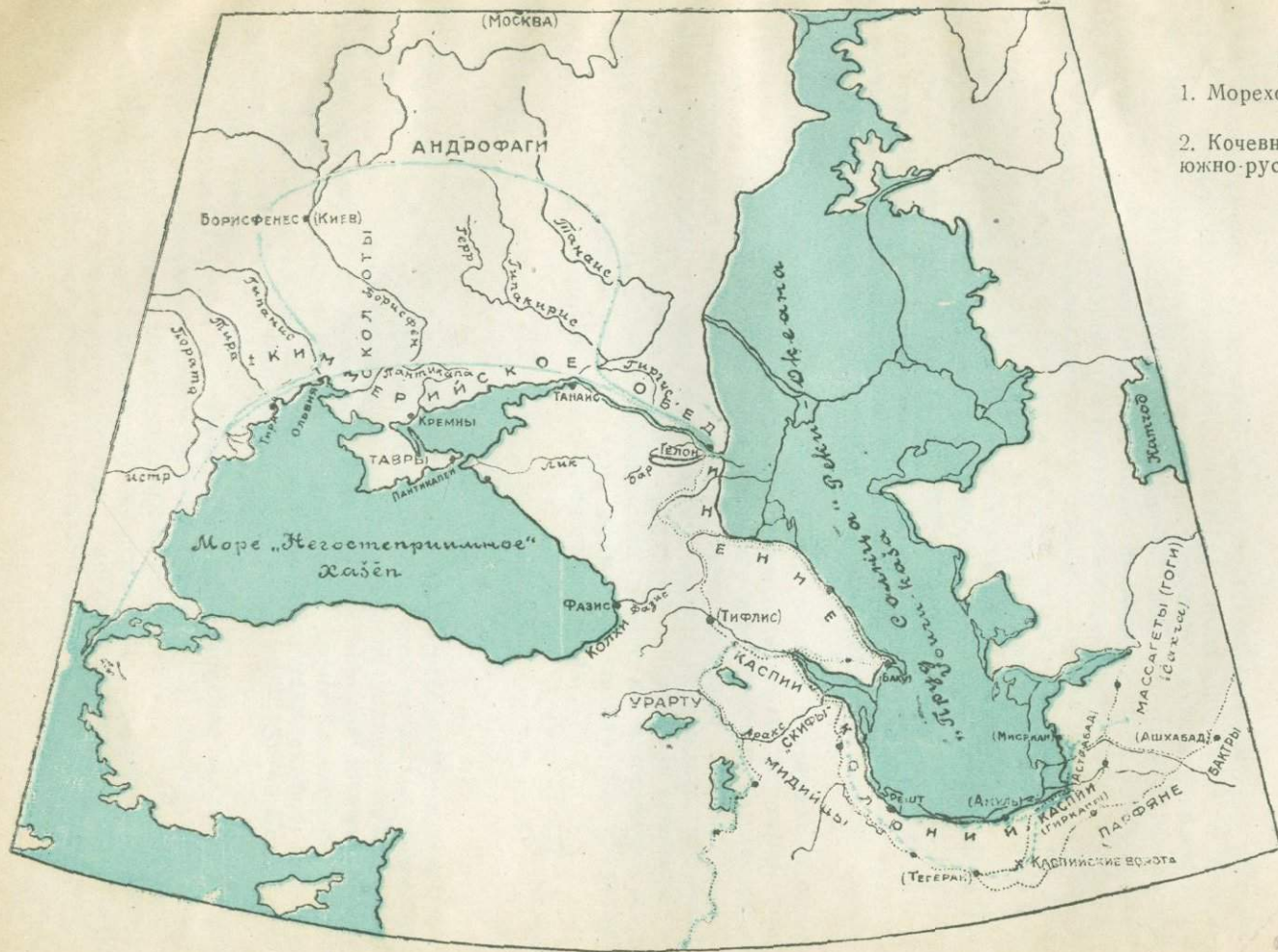
фиг 2

Пути народов

1. Мореходов—Эгейско-Каспийский (через Маныч)
2. Кочевников—из Средней Азии в южно-русские степи (через Кавказский мост)

ПУТИ

- ..... Киммеро-скифов
- — — — — Отрядов Мадия
- — — — — Массагетов
- Дария в 513 году

Гос. архивы
Институт истории
и этнографии
АН УССР

4. ДВИЖЕНИЕ НОМАДОВ ЗАКАСПИЯ ЧЕРЕЗ АРАКС В ЗЕМЛИ КИММЕРИИ

В книге первой, написанной по материалам вавилонского путешествия, Геродот, рассказывая историю Кира, снова упоминает об исседонах, рассматривая их уже со стороны Персии в связи с походом Кира на массагетов. О последних он сообщает: „201. Народ этот считается многочисленным и воинственным, живет на востоке по ту сторону реки Аракса, против исседонов. По мнению некоторых—это народ скифский. 216... Обычай их таков... Предела жизни у них не полагается вовсе, но кто очень состарится, к тому сходятся все родственники, убивают его, а вместе с ним и разный скот, варят это вместе и поедают“.

Здесь для нас на исседонах сомкнулись персидские информации Геродота со скифскими, и мы видим, что массагеты, для которых историком отведено место за Араксом (считая со стороны Персии), то-есть в современном Азербайджане, в своих бытовых чертах (варка трупов) очень близко походили на исседонов, кочевавших при Аристее рядом, в Дагестане.

Из этого мы можем допустить, что смежно обитавшие и одновременно переселявшиеся массагеты и исседоны были, вероятно, родственными племенами (чуждыми черноморским скифам, для которых наблюдательный историк не отметил омерзительного обычая поесть трупы родителей), а также, повидимому, можем утверждать, что наше расселение на территории Кавказа геродотовской россыпи скифских народов вполне соответствует возможности охвата их историком с персидской и скифской стороны, что должно указывать на правильно понятые черты географии геродотовского описания.

Аристей Проконесский, заплывший до земли исседонов—к современному Дагестану,—повидимому, не нашел там, чего искал. По его словам, тогда эти отдаленнейшие народы находились в постоянной войне между собою, которая к его времени привела к тому, что загадочные для нас аристеевы „одноглазые аримаспы“ вытеснили своих соседей исседонов из их земель; исседоны, в свою очередь, вытеснили скифов, а скифы согнали киммерийцев, „живших у южного моря“ (IV—13) (не Понта, считавшегося северным морем).

Хотя позже Геродот и говорит, „что повествование Аристeya не согласуется с рассказами скифов об этой земле“ (13), однако, сам, передавая легенды о происхождении скифов, выделяет как наиболее достоверный третий вариант (по-нашему, монгольский), который по существу не расходится с сообщением Аристeya, но лишь заменяет в последнем более реальными массагетами „одноглазых аримаспов“. Именно, по Ге-

родоту, „скифы кочевники жили сначала в Азии, потом были потеснены массагетами и, перешедши реку Аракс, удалились в Киммерийскую землю“ (11).

И произошло это, как мы знаем, в VII столетии до нашей эры, то-есть в век Аристея. Исседоны, не названные здесь Геродотом, повидимому, объединены в данном случае с могущественными массагетами, по отношению к которым они, очевидно, являлись лишь небольшим ответвлением, а что оба эти племени двигались от Аракса, было указано тем же историком несколько выше, в рассказе о Кире (201).

Здесь мы видим, как два различных повествователя VII и V веков до нашей эры дают совершенно согласную схему движения из Приараксья племен, обще называемых скифами. Сопоставляя различные свидетельства обоих названных авторов, мы можем последовательно восстановить этапы этого движения с соответствующим размещением племен, полагая, что наметившийся порядок их расположения в движущейся к северу скифской лавине все время сохранялся.

Главными были „собственно скифы“ (черноморские), затем шли исседоны и за ними массагеты. В самый ранний момент мы „собственно скифов“ застаем за Араксом (примерно, в Муганской степи), как говорит об этом переданное Геродотом сказание о происхождении скифов-кочевников. Смежные исседоны и за ними массагеты тогда должны были кочевать далее в Азии, скорее всего к востоку. В следующий момент напор со стороны массагетов приводит к перемещению. „Собственно скифы“, перейдя Аракс, где-то выше современного Джевата¹⁷, и затем Куру, докатились, возможно без остановки, через северо-восточный Азербайджан и Дагестан до южно-русских степей. Следовавшие за ними исседоны расположились в Дагестане, где застают их, еще в состоянии войны с соседями, Аристей и, наконец, самые многочисленные массагеты остановились в Мильско-Карабахской степи Азербайджана. В этом расположении указанные кочевые племена мы находим как при Аристее, так и при Кире, то-есть в VII и VI веках до нашей эры.

При своем движении из-за Аракса „собственно скифы“, прежде чем добраться до места новых кочевий у Дона, подошли из глубины континента к землям киммерийцев, „живших у южного моря“, и без боя погнали перед собой этот народ, по словам Геродота, убоявшийся многочисленности кочевников. Естественно возникает вопрос, где же тогда проходила южная грань земель, принадлежавших киммерийским поселениям. Приводимый Геродотом маршрут погони скифов за киммерийцами, на основе принимаемого нами бывшего тогда расселения в Прикаспии племен, дает возможность установить с большей степенью вероятности и южные пределы киммерийского расселения того времени.

В книге IV историк говорит, что скифы „в погоне за киммерийцами вторглись в Азию и сокрушили владычество мидян“ (1). И далее по

¹⁷ У Джевата место современного слияния Аракса с Курой. Во времена движения скифов высоко стоявшие воды Каспийского моря, безусловно, отделяли Аракс от Куры. Южным персам был знаком лишь пограничный Аракс, в силу чего текущая к северу от него более многоводная Кура осталась неизвестной и Геродоту, черпавшему информации от персов.

этому поводу указывается (12): „Очевидно также, что скифы в погоне за киммериянами сбились с дороги и поэтому попали в Мидию: ибо киммерияне бежали потоянно вдоль моря, а преследовавшие их скифы держались правой стороны Кавказа (гор), пока, наконец, не вторглись в Мидию, свернувши вглубь материка. Таков другой рассказ, одинаково распространенный среди эллинов и варваров“.

В книге I, рассказывая о Передней Азии времен Кира, Геродот снова обращается к истории вторжения скифов в Мидию. На этот раз, очевидно, заимствуя сведения из персо-ассиро-вавилонских источников, историк приводит даже имя вождя, возглавлявшего отряды кочевников:

„103... Когда... Киаксар (мидийский царь 636 — 595 г.) осаждал Нин (Ниневию), появилось большое скифское войско под предводительством царя Мадия, сына Протофия (около 630 г.).“

104. Расстояние между озером Меотидою (Азовское море) и рекой Фасидом (Рион) и Колхидою (Батумский район) тридцать дней пути для здорового пешехода; путь из Колхиды в Мидию (район Персидского Азербайджана) невелик. Между этими двумя странами живет только один народ, саспейры; миновав его, вступаешь в Мидию. Скифы шли, однако, не этим путем, от прямого пути они уклонились и пошли по верхней, гораздо более длинной дороге, имея с правой стороны Кавказскую гору“.

В этом мидо-ассирийском пополнении к рассказу, слышанному историком в Скифии, наше внимание останавливает имя царя Мадия, сына Протофия. Представляется непонятным, почему имя, якобы скифского вождя, Геродоту сообщили в Месопотамии,¹⁸ а не в Скифии, где в это же время ему передавали имена царей и предания, значительно более древние. Если это нашествие в Малую Азию произошло, примерно, за 200 лет до Геродота, то одинаково живые воспоминания о событии казалось бы могли в равной степени четко сохраниться в рассказах безграмотных скифов, как и в государственных записях и повествованиях на берегах Тигра и Ефрата. А между тем, черноморские скифы, видимо, не сообщили Геродоту имени царя Мадия, предоставив этот существенный пробел восполнить историку из материалов месопотамского путешествия. Мы знаем из ассирийских документов, что волна нашествия в Мидию кочевников якобы предварялась киммерийцами, за которыми лишь позже следовали скифы, и первые удары ее пали на Араратское царство Урарту, пережившее киммерийское испытание в начале VII века, но погибшее под ударами скифов в конце VII века, причем жители его были изгнаны к Понту. „Гамирра“ — киммеры — так впервые в ассирийской клинописи были обозначены северные тучи, надвигавшиеся через Урарту (Араратское царство) на семитический юг. В то же время столь же ясно звучащего имени скифов в грозе, спускавшейся с мидийских гор, мы не слышим. Остроумная попытка Прашека отождествить одно из имен, которое мелькает в период этих событий в ассирийской клинописи — Ашгуза (Asguzai, Ашкеназ — Библии) со скифами представляется приемлемой в силу схожести действий тех и других пришельцев, как о том повествуют Геродот и клинописные записи. Однако, этимологическая переделка Прашека ашгуза в скифа, путем отсечения пре-

¹⁸ Допускается, что Геродот посетил лишь районы городов Вавилона, Суз и Ниневии, то-есть Ассиро-Вавилонию.

фикса *a* с последующей заменой несоответствующих букв, искусно переводит нас от одного неизвестного к другому, так как помимо кочевников „собственно скифов“ и земледельцев „сколотов называли эллины скифами“ (6). Но если из слова „ашгуза“ отбросить не *a*, но *аш*, как столь же возможный префикс в нем, то остающийся звук *гуза* мог бы выразить с такой же звуковой полнотой как гамирра — киммеров истинных носителей этого, быть может, племенного имени. Большой соблазн видеть в них „гузов“, предков современных туркмен, ясно обозначившихся под этим именем в прикаспийской истории лишь спустя 13 веков, как-раз на путях наших скифов. Примерно к такому выводу приходит, на основании материала краниометрических измерений в Средней Азии, Л. В. Ошанин в его работе „Некоторые дополнительные данные о гипотезе скифско-сарматского происхождения туркмен“.

Попробуем разобраться, с кем из группы племен, упоминаемых Геродотом при описании Скифии, можно ближе сопоставить новых пришельцев — ашгузов, возглавлявшихся царем Bartatua ассирийских надписей, что, по общепринятому мнению, отвечает геродотовскому Протофию, отцу Мадия.

Допуская идентичность имени Bartatua с Протофием, мы, в согласии с геродотовским дополнением, как будто должны признать, что Мадий, сын Протофия, был тем самым царем, который со скифами, оказавшимися при Геродоте в Черноморьи, громил, по этому историку, Переднюю Азию в период времени, примерно, от 630 до 600 г. до нашей эры. При этом условно народ, называемый ассирийцами „ашгузы“, мы полностью должны приравнять к народу, называемому греками „скифы“ („собственно скифы“ — кочевники Черноморья).

Если же исходить из даты первого появления имени ашгузов с царьком Bartatua на горизонте Ассирии в царствование Ассаргадона (681—668 г. г.), то это время может отвечать только раннему киммерийскому периоду нашествий на Мидию и смежные страны, когда, по Геродоту, черноморские скифы туда еще не заглядывали. В таком случае в названии „ашгузы“ скорее следует видеть других кочевников, а нашествие их на Ассирию можно рассматривать, как один из примеров своеобразного киммерийского проявления, что и находит отражение у Страбона, называющего Мадия Протофия киммерийским царем (1-3-21).

Намечающиеся противоречия, к которым мы приходим при попытке отождествить „ашгузов“ с черноморскими „скифами“, заставляют нас признать, во-первых, что под этими именами, вероятнее всего, в тот период мощных переселений с Востока обозначались вообще кочевники или конные народы, хотя первоначальное название „ашгузы“, быть может, и было племенным именем одного определенного кочевого народа, впервые попавшего с севера на арену ассирийской истории. В последующие моменты это имя приобретает нарицательный характер и прилагается в Ассирии ко всем вообще волнам кочевников, вторгавшихся с севера. Во-вторых, та роль „киммерийцев“ (северян не кочевников), которую они играют в нашествии кочевников на Ассирию, может свидетельствовать лишь о том, что „киммерийцы“, бывшие, по всем

признакам, приморским (типа финикийцев), оседлым и, относительно соседей, высококультурным элементом, являлись для входящих в соприкосновение с ними кочевых и земледельческих племен организаторами и руководителями в их мирных и воинственных предприятиях. И только лишь последняя, повидимому, наиболее мощная и стремительная, а потому и не поддававшаяся укрощению волна кочевников, обозначившихся как черноморские скифы, смела-киммерийцев с их географических и исторических позиций.

5. ДРЕВНЕЙШИЕ АБОРИГЕНЫ ПРИКАСПИЯ

Следует еще помнить, что помимо „скифских“ и „киммерийских“ элементов в волнах нашествия на Мидию в VII веке, рассматриваемых сквозь призму ассирийских клинописей, в том же боевом углу между Араратом и Джеватским заливом Каспия (устье Аракса тогда было выше Джевата) должно найти свое место еще одно упоминаемое Геродотом имя „каспий“ (*κασπαίοι, κασπεῖροι*). Несомненна древность этого северного по отношению к Месопотамии прикаспийского народа, упоминающегося в вавилонской клинописи уже в VIII веке под именем кашши (*kassî*). Геродотовскими каспиями, вошедшего в 515 г. в состав двух северных сатрапий Дария и исчезнувшего в IV веке до н. э., как народ, о котором еще некоторое время сохранилось у греческих авторов лишь название страны Каспианы, бывшей в Приараксинской Мидии.

С именем этого древнейшего народа по ряду признаков следует связывать и авестическое название его моря (*Vouru-kasa*) как и на рода *kasjara*—Риг-веды.

Не подлежит сомнению, что народ бывшей Каспианы должен был найти соответствующее отражение в ассирийских записях событий, начавшихся за Араксом и перекинувшихся к Арарату. С наибольшей вероятностью к каспиям можно отнести часто мелькающие в ассирийских молитвах этого периода имя Каштарит—главы города Кара-кашши¹⁹ (*Kar-kassii*), где слово *kar*—означает крепость, а *kassii* должно соответствовать народу—каспиям), входящего в союз и в дальнейшем, видимо, объединяющегося с мидийцами (*Mada-ai*). (В этом наметившемся в силу политико-экономических причин стремлении слиться с Мидией может быть и кроется секрет как вспышки могущества Мидии, так впоследствии и исчезновения бывших многочисленными каспиев не только с политического горизонта, но, из списков племен).

Из факта владения каспиями городами или крепостями следует полагать, что они, как и мидийцы, были народом оседлым (так как „кочевники-скифы, по сообщению Геродота, не имеют ни городов, ни укреплений“), а потому среди этих народов не приходится искать связующих нитей с кочевниками из-за Аракса.

Та широта древнейшего распространения по берегам Каспийского моря оседло-культурных гиркано-каспиев, которая привела к закреплению за ними уже в Авесте названия, этих вод *vouru-kasa*, заставляет нас подозревать именно в них аборигенную основу, давшую в смешении с некими пришельцами со стороны Эгейского моря своеобразный киммерийский тип.

¹⁹ Б. А. Тураев. История Древнего Востока, I, 162. Петербург, 1913.

Наметившееся далекое ответвление каспиев от центрального для них Каспийского моря на восток, до пределов Индостана, где их отмечает Риг-веда в качестве kašjana, а priori допускает возможность не менее далекого распространения их и на запад. В этом отношении упоминаемая Страбоном „Албанская Каспиана“, один из западных пунктов которой в Закавказьи очевидно фиксируется местоположением современного грузинского городка Каспи, очень возможно, что еще далеко не являла предела древнего распространения на запад этих племен, особенно в равнинном направлении предкавказья Европы. В синониме каспиев—гирканцы (что равносильно понятию „волки“), мы по всем признакам имеем типичный тотемистический знак. Возможно, что первоначально он принадлежал определенной экзогамной группе каспиев, обитавшей на юго востоке моря, и лишь впоследствии распространился, как общий тотем, повидимому, во всей племенной группе по обеим сторонам моря. Топонимика мест к востоку от моря, отмечаемых как Гиркания—древняя страна у окраины моря, Гурген—река в ней, Джорджангород на Гургене, а также, повидимому, Гургандж и Ургенч—города у дельты Аму, сохранила нам представление о широте почитания этого тотема в Восточном Прикаспии. На запад от моря о распространении каспийского тотемистического союза „волков“ можно очевидно судить по значению волка, которое ему придается в фольклоре того или иного народа.

В этом отношении особенно привлекает наше внимание племя невров, жившее, по Геродоту, вначале на западной окраине Скифии в районе верховий Днестра, а потом, перед походом Дария, якобы перебравшееся на восточную сторону Скифии в землю будинов к берегам Каспия. О неврах соседи их говорили историку, что „эти люди колдуны... каждый невр ежегодно по несколько раз на несколько дней становится волком и затем опять принимает прежний вид“ (IV—105). На основании этого признака, обычно лежащего в корне происхождения тотема, можно с известной долей вероятности допустить принадлежность невров к гиркано-каспийской тотемистической группе племен, а по былому их местожительству у Днестра намечать возможную широту бывшего распространения каспийских племен на запад от Каспия, по крайней мере до Днестра.²⁰ Таким образом, все северное Черноморье в период расселения киммерийцев в его приморской полосе, от нее вглубь территории могло быть местом жительства племен каспийской группы. Видя в киммерийцах, в основе, пришлый элемент колонистов-мореходов с Эгейского моря, мы поэтому в их черноморских потомках можем предполагать смешанный тип киммеро-каспийских метисов.

Коснувшись Авесты, мы не можем избежать соблазна поискать и на полях благословенной Арии в Средней Азии наших знакомцев „скифов“, которых мы встречаем входящими к нам из Прикаспийской Мидии через двери Аракса. Свой путь от закаспийского дома до Аракса они могли

²⁰ Свидетельство истории о народах волчьего тотема в Прикаспии средиземноморское средневековье наивно изображало на своих картах в виде людей с волчьими головами.

проходить отчасти Внутренней Персией, через удобные для кочевников древнейшие „Каспийские ворота“—горный проход, лежащий к востоку от Тегерана в хребте Эльбурс, частично же вдоль южного берега Каспия, дорогой менее удобной (особенно для кочевников, но не бродячих охотников) в силу бывшего тогда высокого стояния моря и, следовательно, узкой подгорной полосы, к тому же поросшей дремучими субтропическими лесами.

Нам не приходится их искать в собственно персидском промежутке дороги, так как подобная Скифии совокупность родственных племен землепашцев и кочевников наблюдается и в царстве Кира и Дария. О Персии Геродот говорит (1—125): „Родов персидских много... роды эти, в зависимости от которых находятся все прочие персы, таковы: пасаргады, марафии, маспии... Остальные персы: панфилии, дерусии, германии. Все эти роды земледельческие, прочие—кочевники: даи, марды, дропики, сгартии“.

Наука давно уже установила у части населения Скифии ряд тождественных черт с частью населения Персии, что и повлекло за собою утверждение многочисленных исследователей об иранском происхождении всех скифов, как земледельцев, так и кочевников. Но сама Персия, хотя бы и времен Кира, является лишь младшей сверстницей Скифии, то-есть много позднейшим образованием, нежели арийская ассоциация племен Авесты, а поэтому, не задерживаясь на Иране, поидем непосредственно в сердце Авесты место знакомых нам племен, прошедших через иранский проходной двор.

Из 16 арийских земель Авесты наибольшее внимание наше привлекает „тринадцатое место“, созданное Аура-Маздой—„Могучая и аша-верующая Чахра (Чахра или Шакра), но ей создатель в качестве наказания создал злые поступки, не могущие быть искупленными даже телесными наказаниями и которые состоят в варке частей трупов... Аша есть высшее благо“²¹.

В среде описанных Геродотом, якобы скифских пришлых племен историк отмечает также поразившую его подобную черту—варку частей трупов у двух, очевидно, родственных племен, находившихся на положении бродячих охотников и одновременно перемещавшихся с востока на запад—из Средней Азии на Кавказ, именно у исседонов и могущественных массагетов, умерщвлявших своих стареющих отцов, разделявших на части их трупы, варивших и поедавших их.

Проследивая в обратном порядке путь азиатских пришельцев ашгузоскифов в Европу, мы столкнулись у Аракса с бродячими охотниками, геродотовскими массагетами, и шедшими впереди них исседонами, теснившими неких „скифов“.

Там же и в тот же период времени мы встречаем и неоднократные волны также „могущественных“ пришельцев, носителей имени „ашгузы“ ассирийской клинописи. Вся совокупность данных наводит на мысль об идентичности „собственно ашгузов“ с геродотовскими труповарами-массагетами, последние же намечаются как отпрыск „могучей и ашаверующей Чахра“ арийской ассоциации Авесты. При этом с именем „ашгуза“ возможно, что в виде префикса сохраняется и ихарийский знак—аша-верующих²².

²¹ Avesta Videvdāt I. Немецкий перевод Fritz Wolf. Strasburg. Verlag von A. Trübner. 1910.

²² Аша (Asa или As, Asu—Ригведы) у авестических народов отвечало представлению духовного начала, вследствие чего повятию „аша-верующие“ должны были соответ-

Но Авеста рассказывает не только о своих аша-верующих народах. Вместе с ними ею упоминается у берегов священных ей вод Вору-каши также еще и не менее „могущественный сказочный турецкий царь Frangasyan (Франрасьян), посягающий на скрывавшееся в этом море сокровище, принадлежащее арийским народам. Следовательно, в последующие моменты истории, когда в силу каких то причин народы земель Авесты пришли в движение и переселенческие волны из Средней Азии стали, огибая Каспий с юга, заливать Кавказ и Европу, мы в равной мере среди них могли встретить и арийский, и туранский элемент. К последнему и могла принадлежать волна кочевников монгольского типа, которые и составили основное ядро геродотовской Скифии.

ствовать верующие в загробный мир духов-предков. Поэтому, когда мы встречаем аш(а) —ас(а) или аз(а)—почитание в среде позднейших народов мы вправе подозревать в них наличие связей с ашаверующими истоками Авесты. В этом отношении весьма характерны „азы“ мифологии готы-германцев (в которых, к слову сказать, мы готовы видеть наиболее чистый потомок массагетов—аш-гузов). Например, Г. Кунов говорит: „азы—те германские боги (божественные предки), которые под предводительством Одина вторглись в Скандинавию из своей лежащей далеко на востоке родной страны, сияющей солнцем“ (Г. Кунов. Происхождение религий).

6. КАВАЛЕРИЙСКИЙ РЕЙС МАДИЯ НА ЮГ ОТ АРАКСА

Скрушительное нашествие Мадия Протофия было кратковременным: всего 28 лет громили с ним скифы Переднюю Азию и затем, по свидетельству Геродота, вернулись к своим семьям и табунам, уже перекочевавшим к берегам Дона. Там за их отлучку, как говорит Геродот, жены с рабами успели прижить новое свободное поколение, встретившее с оружием в руках вернувшихся хозяев.

Относительно короткий срок пребывания скифов в Передней Азии, попавших туда не в поисках новых кочевий—без стад и семей, заставляет рассматривать этот поход как кавалерийский рейс, может быть даже вызванный к жизни союзною верностью Мадия, а может быть и его родственными чувствами по отношению к попавшей в беду Ассирии, обязательствами, возникшими еще при женитьбе отца Мадия Протофия — Бартатуя на дочери Ассаргадона.

При чтении Геродота остается неясной дальнейшая участь Мадия с его отрядами. Из сопоставления отдельных отрывков приходится заключить, что этот рейс, блестящий по началу, не имел столь же хорошего конца. Историк даже готов допустить, что большая часть скифов не вернулась домой, так по крайней мере следует из рассказа о восстановлении власти Киаксара (царя Каспио-Мидии). (1-106). „Киаксар и мидяне пригласили большинство их (скифов) однажды на пир и, напоив, пьяными, перебили. Так мидяне спасли царство и снова приобрели власть, такую, какая была у них прежде“ (около 606 г.). Однако, следует думать, что такому приглашению на пир и избиению подверглись не самые массы скифов, но лишь вожди их с Мадием во главе, что привело к анархии в полчищах и к распаду их, как об этом можно заключить из заметки Геродота в другом месте: (1—73) „толпа скифов-номадов вследствие междоусобий удалась в мидийскую землю, в то время, когда мидянами правил Киаксар... Сначала Киаксар принял скифов благосклонно, как молящих о покровительстве“... Из этого отрывка мы видим, что не все скифы пожелали вернуться домой, а также, что не всех оставшихся перебили мидяне. О таком же отставании части скифов свидетельствует еще отрывок (1—106) об ограблении ими храма небесной Афродиты. Эти оставшиеся, по словам Геродота, вскоре удалились от мидян к лидянам, что якобы послужило поводом к войне в 585 г между обоими царствами.

Возможно, что к стихийно возвращавшимся на родину обезглавленным полчищам царя Мадия относится любопытный эпизод расширения Скифии, рассказанный Диодором Сицилийским: (L 11 с. 2). „Этими (скифскими) царями были переселены и многие другие покоренные племена, а самих важных выселений было два—одно из Ассирии между Пафлагонией и Понтом (урарту), другое из Мидии, основавшееся у реки Танаида“ (синды).

Обратный путь конных отрядов скифов, не отяжеленных кочевьем и табунами, вероятнее всего, произошел напрямик, через Кавказ, возможно в районе Арагва-Дарьяльского прохода, а потому о нем не осталось следов у приморских народов, от которых классические историки чер-

пали свои сведения. Возвращением скифов к Дону без Мадия только и может объясняться кажущаяся странной забывчивость Геродота, не упоминающего имени этого „скифского“ царя при описании Скифии, но упоминающего о нем лишь попутно при описании Персии в рассказе о невзгодах мидян.

Теперь вернемся к дальнейшему выяснению былого расселения и лица „киммерийцев“, на землях которых расположилась Скифия.

Итак, передовые волны номадов, по Геродоту, от Аракса направились якобы следом за согнанными со своего местожительства киммерийцами вглубь Кавказского перешейка, имея Главный хребет по правую руку, и затем, не доходя до земли саспейров, живших восточнее колхов, но „свернувши вглубь материка“, то-есть к югу, попали в Мидию. Только при допущении, что киммерийские земли в те времена уже начинались по крайней мере от Закавказской долины, может быть понят и представлен этот маршрут скифов, вышедших из-за Аракса к морю, куда вела караванная дорога, и сразу же столкнувшихся с киммерийцами. Вполне возможно, что при нашествии скифов часть киммерийцев или, выражаясь словами Страбона, „какой-нибудь из народцев этого племени (1—3—21), живший наиболее глубоко в Закавказской долине, вынужден был отступать перед кочевниками в том же западном направлении и соответственно с этим и сам мог оказаться наступающим в сторону Мидии. Другая же, повидимому, главная масса киммерийских племен смещалась под натиском основного ядра скифской лавины „все время вдоль моря“, сначала на северо-восток берегом Каспия, затем на северо-запад вдоль Каспия и Маныча и, наконец, вдоль морей Азовского и Черного, около которых был центр киммерийской оседлости. Так, постепенно отступая под напором кочевников, двигавшихся через Кавказ к донским степям, караванной дорогой — вдоль моря, киммерийцы дошли до западных окраин своих земель у Тиры — Днестра, где многочисленные царьки их приморских государств-городов, по словам Геродота „предпочли лечь мертвыми в родной земле и не убежать вместе с народом, памятуя блага, какими они пользовались на родине, а также и те бедствия, какие их ждут на чужбине. Вследствие таких решений цари разделились на две стороны, равные по численности, и в среде их завязалась междоусобная брань. Все цари были перебиты друг другом, а народ киммерийцев похоронил их подле реки Тиры, могила эта видна еще и теперь, и после похорон удалился из своей земли. Таким образом, вторгнувшиеся скифы заняли страну пустынную“ (IV—II).

Из этого отрывка ясно, что главная масса киммерийцев отступала от своего центра не к югу в Малую Азию, а на запад, возможно к Балканам и вглубь Европы.

И, повидимому, не столь уж неправ Страбон, считающий остатками древних киммерийцев почти современных ему кимвров, бродивших в Средней Европе без определенных занятий и места еще во втором веке до нашей эры, так как, по словам географа, „эллины называли кимвров киммерийцами“ (VII—2—2).

Вероятнейшим реликтом яфедитов-киммерийцев, следует полагать, является современная средне-европейская ветвь евреев-ашкеназим.

7. ГОГ И МАГОГ ИЕЗЕКИИЛЯ

Еще с одной стороны можем мы взглянуть на этот период глубоких киммеро-скифских нашествий, потрясших приаравийские царства. Библейский пророк Иезекииль, писавший на грани VII и VI веков и, повидимому, перенесший весь ужас стремительного налета северных кочевников в земли семитического юга, посвятил ему свои экзальтические писания. И другие библейские записи, имеющие отношение к этому вопросу, до нас сохранились с исключительной полнотой, а потому в них мы можем найти новый источник дополнительных и коррелирующих сведений.

Иезекииль по поводу нашествия восклицает: „Обрати лицо твое к Гогу в земле Магог, князю Роша, Мешеха, Тубала... и скажи: так говорит господь бог... и поверну тебя... и выведу тебя и все войско твое... Гомер со всеми отрядами его, дом Тагарма, от пределов севера со всеми отрядами его, многие народы с тобою“ (XXXVIII).

В этом перечне имен мы слышим, от современника их, названия главнейших нахлынувших из северной тьмы завоевательских полчищ, а потому вправе полагать, что они должны найти себе место в Прикаспии, откуда обрушился на семитический юг удар кочевых лавин.

Нас несколько раз предупредил Геродот (I—103—104 и IV—1,12), достаточно хорошо осведомленный о развитии северной исходной фазы этой лавины, что скифы в Мидию прошли Кавказом, не задев саспейров, живших между Мидией и Колхидой (104), а потому в иезекииловском перечне имен вторгшихся в Иудею врагов нам, если мы хотим считаться с отцом истории, не приходится искать представителей северных царств, тогда существовавших западнее саспейров и колхов (то есть в районе Черноморья), но мы должны пытаться найти по возможности всех их в Прикаспии, где, как мы видели, зародилась эта скифская лавина, обрушившаяся на юг, якобы следом за киммерийцами.

Гог из земли Магог или Яджуджа и Маджуджа арабов — это центральные персонажи северных гроз.

Единственно кому могут отвечать библейские гоги, это — кочевникам ассирийских записей — ашгузам, в которых, как мы допускаем, намечаются гузы — предки современных туркмен, одна из важнейших ветвей которых, между прочим, называется гокланы (гок-алан).

Библейские магоги, из земли которых появляются гоги, Геродотом упомянуты в двух наименованиях, во-первых, под их санскритскими именами — маги (Маг²³ значит большой, масса), под которым следует видеть

²³ Узбеки именем мох или мук называют легендарных великанов, якобы живших в древности в Средней Азии. Ископаемыми остатками муков считают тарелкоподобные скорлупки раковины *Platygona asiatica*, называя их „мук-тырнах“, что значит „ногти муков“.

Интересно, что у SO австралийских племен легендарные предки племени курне называются „мук-курне“, что отвечает понятию „высокий предок“. Это любопытное „совпадение“ курне-узбекских обозначений слишком уж просто считать простой случайностью (A. O. Gouitt, Native tribes of South-East Australia).

в первую очередь представителей зороастрийского культа, они же отвечают маньям ассирийской клинописи и муганам персидского диалекта. Маги, посягавшие, по Геродоту, в VI в. на престол Персии, в те времена обозначались от пределов Парфии, где их упоминает Страбон в качестве советников царей, до муганских степей Атропатаны (Азербайджана), эпонимами которых они явились. Во-вторых, Геродот имеет в виду тех же магогов, повествуя о народе труповаров, масса-гетах, движение которых от их колыбели у берегов Окса к берегам Аракса, вокруг южного Каспия, по существу и создало всю эту обрушившуюся с севера на юг скифскую лавину.

Иудейские писатели Иосиф Флавий и Филон, жившие на грани нашей эры и сохранившие много древнееврейских преданий, определяют гогов и магогов как „скифские“, то есть кочевые племена, жившие вокруг Каспия.

Арабские писатели всегда представляли гогов вместе с магогами, „жившими за великой стеною“. Обычно этою стеною полагалась получившая широкую популярность стена Дербентская. Однако, несомненно правильней помещать основные массы этих кочевников за стену Кизил-алан (в земле гок аланов), менее известную, но не менее важную в древности, тянущуюся от древнего 20-метрового берега Каспия на восток вдоль реки Гургена и ограничивавшую кочевые туркменские земли от оседлых персидских. По Мирхонду „Яджудж и Маджуд (гог и магог), бывшие сыновьями Яфета-ибн-Нуха, делились на два племени. Малорослые и великаны (магоги). Покойников своих они с'едали. Области, через которые проходили, опустошали до гла“.

Отвратительный обычай поедать трупы родителей среди древних обитателей Прикаспия в данном случае является исключительным, а потому чрезвычайно характерным религиозно-бытовым признаком определенной группы прикаспийских племен, по нашему мнению, арийских отпрысков „могущественной и аша верующей Чахра“ Авесты.

Причины и момент его возникновения или появления в Прикаспии уходят ко временам, превосходящим древность Авесты. Устойчивость его в историческое время, при значительно менявшихся культурно-бытовых и социально-экономических условиях племен-носителей обычая, оказалась поразительной. Существовавший до наших дней у некоторых австралийских племен подобный обычай членов тотема свидетельствовать умершему собрату признание себя „членами одной и той же плоти“ с'едание кусочка мяса или жира от трупа, что должно было выражать, по их представлению, „высшее уважение и благочестие“, можно полагать, имеет не менее древнее начало, что и обычай Чахра²⁴. Вместе с этим и здесь, как и в случае совпадения обозначений „Мук“ родоначальников тотема — „великих предков“ в SO Австралии и Средней Азии, появившиеся обычая трупопоядения у океанических племен и континентальной Чахра нам представляется возникшим не только на почве однородных культурно-бытовых и социально-экономических условий, бывших в момент прохождения этих племен определенной ступени своего развития, но и при непосредственном влиянии третьего племени, входившего, по нашим представлениям, в контакт с этими столь удаленными и внешне различными отпрысками человечества.

То, что среди многочисленных племен Авесты этот обычай привился и расцвел лишь в группе аша-верующей Чахра, состоявшей из бродячих

²⁴ Н Kunow. Religionsgeschichtliche Streifzüge.

охотников и находившейся, с одной стороны, под воздействием зороастризма Авесты, воспрещавшего осквернение земли погребением трупов с неистлевшею плотью, с другой стороны — гирканизма каспиев, практиковавшего у ряда своих отпрысков умерщвление стареющих родителей (Геродот отмечает этот обычай отцеубийства у каспиев, распространенный среди падеев в Индии, бактрийцев в Афганистане и массагетов в Туркмении). В результате — своеобразный культ отцеубийства с торжественным очищением останков для погребения варкой трупов и почтительным об'еданием костяков родственниками, устойчиво тянувшийся от Чахра вслед за ее далеко уходящими ответвлениями.

Уже во времена Авесты эта омерзительная черта поражала сознание окружающих племен, осудивших ее у родственной „Чахра“, положение которой в арийской группе наметилось на юго востоке Прикаспия. Много позже эту же черту отметил Геродот у массагетов и исседонов, которых мы встречаем уже распространившимися от своей колыбели у берегов Окса — Атрека по обеим сторонам южного Прикаспия (вплоть до Дербента, вокруг которого найдены, как упоминалось выше, в курганах „погребения с расчленением“, отнесенные Уваровым к зороастрийцам V—VII в. до нашей эры и в которых мы склонны видеть погребения исседонами вываренных и об'еденных трупов).

Еще позже Мирхонд подчеркивает этот обычай, как жуткую характеристику некогда бывшего воиственного племени (великанов маджуджей), что, по нашему мнению, является одним из ярких аргументов, утверждающих идентичность маджуджей с массагетами. Наконец, совсем недавно Энгельс упомянул в „Диалектике природы“, что „предки германцев велетабы или вильцы в X столетии поедали своих родителей“. Этот массагетский пережиток готов представляться нам достаточно надежной нитью, связующей готскую часть современных германцев с их восточными предками библейскими гогами.

8. РОШ, МЕШЕХ И ТУБАЛ И СЛЕДЫ ИХ СВЯЗЕЙ С ЕГИПТОМ

Иезекииль, говоря о Гоге из земли Магог, называет его князем Роша, Мешеха и Тубала. Если первые два имени определились, как относящиеся к группе племенных обозначений, то последние три названия по всем признакам должны быть отнесены к городам или княжым уделам. В Роше позволительно видеть приморскую провинцию или город древнего Решта. Великая древность этого города несомненна. Об этом можно заключить, с одной стороны, по тому признаку, что он, подобно Дербенту, лежит на том же древнем морском берегу 20-метровой террасы. С другой стороны, в сопоставлении крупнейшего английского египтолога Флиндерса Петри географических названий „Книги мертвых“ с топонимикой Кавказа и Прикаспия, приводится название Restau, в котором автор видит Решт²⁵. Положение Решта на берегу Каспия у того угла, откуда двинулись через горы на юг Передней Азии волны скифских нашествий, вполне допускает участие города-княжества Решта в этом движении.

Мешех также древний город. В нем скорее всего следует видеть ныне развалины Дехистана или Мешхед-и Мисриана.

Мешхед-и-Мисриан отвечает значению „место мученичества египтян“, каковое название, по В. В. Бартольд, возникло „вследствие легенды, по которой египетский отряд погиб в борьбе с неверными“²⁶. Хотя наш крупнейший ориенталист и полагает, что „эти легенды ни на чем не основаны, никакого египетского отряда не было, и название это позднейшее“²⁷, однако мы позволим себе не согласиться с этим отрицанием. Мешхед-и-Мисриан так же, как Дербент и Решт, лежит у ныне покинутого берега 20-метровой террасы Каспия, а это обстоятельство, несомненно, свидетельствует об определенной древности времени основания города (не менее 2200 лет тому назад) или первого укрепления на его месте.

Дехистан—военное, бывшее приморским, поселение, лежавшее у северного дельтового ответвления реки Атрека. Это ответвление, легко осуществлявшееся при высоком уровне Каспия, должно было исчезнуть при резком снижении его и в дальнейшем стало трудно осуществимым, если не невозможным, что и обусловило запустение района Дехистана.

Международные основатели городов-колоний на водных путях—яфетиды—киммерийцы, строительству которых, вероятнее всего, принадлежал Гелда-Дербент, весьма вероятно, колонизировали и другие части южного побережья Каспийского моря вплоть до устья Атрека, а может быть даже и Окса, в названии которого Аму сохранился его яфетический знак. Раз мы допустили выход этих черноморских мореходов-пиратов в Каспийское море, то далее уже нет никаких оснований ограничивать их распространение по нему лишь ближайшим к Манычу пунктом, но логически необходимо признать вероятность киммерийского распро-

²⁵ И. И. Мещанинов. Египет и Кавказ.

²⁶ Место прикаспийских стран в истории мусульманского мира.

²⁷ Место прикаспийских стран в истории мусульманского мира.

странения и устройства ими крепостей и факторий по всему южному побережью, искони бывшему многолюдным и достаточно культурным для привлечения этих хищных торговцев финикийского корня.

Дехистан или Мешех в устьи Атрека на грани оседлых и кочевых, земель—стратегически важное место для влияния на кочевников в их колыбели. Впоследствии гибель этой колонии под ударами тех же кочевников и могла найти отражение в народном предании оседлых соседей, обозначившем Мешхед или Мешех местом мученичества мисриан-египтян. При этом наименование туземцами пришлых колонистов египтянами, которых мы называем „киммерийцами“, как увидим далее, также не случайно, как и название Геродотом выходцами из Египта финикийских колонистов Колхиды.

Во вторжении гогов в Приаравийские царства Мешехское княжество должно было принять участие одним из первых, так как основной исторический путь народных передвижений из туркменских степей в обход Каспия шел вначале вдоль моря мимо Мешеха, Астрабада и Барфуруша, а затем лишь переваливал через прибрежный хребет Эльбурс, направляясь в сторону к Каспийским воротам и Тегерану.

Наконец, последнее имя во фразе „князь Роша, Мешеха и Тубала“ также находит себе место на южном берегу Каспийского моря. В. В. Бартольд говорит, что название Табарстан происходит от диалектического „Табар“, что значит „гора“. Библейский Тубал, всегда упоминавшийся рядом с Мешехом, должен отвечать горной провинции Табар, расположенной смежно со степной провинцией Дехистана. В IV главе „Бытия“ именем Тубала назван „ковач всех орудий из меди и железа“, что дало повод ряду исследователей отождествлять с Тубалом тибаренов и халибов, населявших юго-восточное побережье Черного моря и известных своей выплавкой железной руды. Этот же признак—исконная плавка железных руд—отмечает и каспийских табаристанцев, имевших еще во времена Гмелина²⁸ в древнем табаристанском городе Амуле центр железоделательной промышленности.

Отождествляемый с Тубалом Табар филологически тот же Тавр. Последнее название распространено, главным образом, в Черноморьи. Здесь, между прочим, мы знаем геродотовских тавров, древних обитателей Крыма, некогда входивших в киммерийское об'единение и явившихся эпонимами Тавриды. Вполне вероятно, что древний Табаристан получил свое название от народа тапуров, тех же тавров, также входившего в родственную цепь киммерийских колоний. Мы не знаем, были ли Астрабад, город большой древности, центром страны тапуров—тавров, распространявшихся на запад до не менее древнего города Амуля. Во всяком случае оба эти города лежат на берегу 20-метровой террасы Каспия, а самое название Амуля указывает на бытие здесь яфетидов, к которым принадлежали киммерийцы.

Участие Табар-Тубала в скифском нашествии на Иудею было столь же обязательным, как и Мешеха-Дехистана, в виду положения обоих на основном кочевом пути, которым двинулись гоги из закаспийской колыбели в обход Каспия с юга.

Итак, мы приходим к согласованию иезекииловского оформления нашествия VII века на семитический юг северных кочевников с геродотовским изложением истории черноморских скифов и киммерийцев.

²⁸ Путешествие по России, ч. III, 1785.

9. КИММЕРИЙСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Приглядываясь к чертам киммерийцев, как они сохранились в истории, мы с несомненностью должны признать, что это народ (правильнее, совокупность древних приморских колоний-царств), вся страна которого вытягивалась исключительно вдоль воды, как мы видели, от восточно-персидских берегов на Каспии через Маныч до западной границы Понта, имея свой центр у Керченского пролива. И это выгодное приморское положение киммерийцы, по всем признакам, использовали соответствующим образом. Геродот отмечает, что на память об этом народе, между прочим, осталось название „киммерийские перевозки“, то есть место, где пловучими средствами осуществлялась переправа, которая, как нам представляется, была на Маныче.

Умением пользоваться пловучими средствами в условиях бурного Черного моря вероятнее всего объясняются и восходившие еще ко дням Гомера или даже несколько более ранним,²⁹ то есть уже за тысячелетие до нашей эры, частые набеги киммерийцев не только „на правую (восточную) часть Понта“, но и на отдаленнейшие страны Малой Азии, при чем их ударам, главным образом, подвергались приморские народы, как пафлагонцы, фригийцы, лидийцы, ионийцы и даже киликийцы (Страбон, 1—3—21).

С нахождением мореходов киммерийцев в северном Понто-Азовском поморьи, уже за тысячелетие до нашей эры, должно быть согласовано не менее древнее присутствие там же, лишь несколько вглубь от берега морей, доскифских земледельцев, аборигенов скорее всего каспийской группы племени сколотов. Все говорит за то, что они не были пригнаны из-за Аракса с табунами кочевников, но уже сидели до них в своей черноземной полосе одновременно с киммерийцами в поморьи.

Остается открытым только вопрос, входили ли земледельцы-сколоты в той или иной мере в состав киммерийского объединения или же они являлись вполне независимыми северными соседями этих пиратов-мореходов. Во всяком случае бесспорна многовековая экономическая связь производителей сколотов и посредников-киммерийцев, а вместе с нею в значительной мере и кровное смешение сколотов-славян с киммерийцами-кимврами, и далеко идущие заимствования сколотами в области языка, религии и быта от более культурных киммерийцев.³⁰

²⁹ Страбон в кн. 1—1—10 об этом говорит „...невозможно, чтобы он (Гомер)... не знал бы самого народа, который в то время или незадолго перед этим совершал набеги на всю страну от Боспора до Ионии“.

³⁰ Например, к числу таких заимствований, по всем признакам, следует отнести почитание оседлыми „скифами“ бога-хранителя населенных мест, называемого Геродотом греческим именем бога войны Ареем. У каждого сельца „по околоткам“ сооружается возвышенная площадка из хвороста, на вершине которой „водружается старинный железный меч, который и составляет кумир Арее... В честь его (ежегодно) умерщвляется каждый сотый мужчина из числа взятых в плен врагов... их режут над сосудом, по-

И хотя такое решение как будто противоречит указанию Геродота, что вторгнувшиеся скифы заняли киммерийскую землю, уже лишенную населения, однако следует думать, что это относилось только к степному приморскому району, бывшему центром киммерийских поморов и впоследствии занятому „собственно-скифами“ кочевниками, ибо мало вероятно, чтобы в какой-нибудь стране ее коренное население, особенно связанное с земледелием, когда-нибудь под напором любой стихии нацело покидало насиженные места.

Несомненно, часть аборигенов осталась в своей стране. К числу таковых скорее всего должны были принадлежать, во-первых, земледельцы борисфенито-сколоты. О стране их Геродот: говорит устами влюбленного в Днепр подневольного пращура Гоголя: IV—53) „Но из прочих рек Борисфенес наиболее прибылен; он доставляет прекраснейшие и роскошнейшие пастбища для скота, превосходнейшую рыбу в большом изобилии, вода его на вкус очень приятна, чиста... вдоль его тянутся превосходные пахотные поля и растет очень высокая трава в тех местах, где не засеивается хлеб; у устья река сама собою собирает соль в огромном количестве; в Борисфенесе водятся громадные рыбы без позвоночного столба, называемые антакаями и идущие на соленье и многое другое, достойные внимания“. Борисфениты предпочли скифскую неволю потере своих тучных угодий. Во вторых, от скифов не бежали и тавры, земли которых оказались южным ребром для царских владений (20). Сохранить независимость в скифском нашествии таврам помогли, с одной стороны, природные условия трудно доступной для кочевников Тавриды—Крыма, а с другой—воинственный характер народа, о котором историк говорит: „живут тавры грабежом и войною“ (103). Уже после образования Скифии у Боспора в Тавриде и на Тамани возникают два поселения Киммерика, свидетельствующих о сохранении здесь киммерийского элемента и традиций. С таврами же следует отождествлять и нанимавшихся впоследствии на службу к Митридату кимвров (Юстин, XXXVIII, 3), что, как мы видели, у позднейших классических писателей соответствовало киммерийцам.

Интересна бытовая деталь этого, по замечению Геродота, „не скифского народа“: „в жертву девственнице богине они приносят всякого эллина, потерпевшего кораблекрушение у берегов их или захваченного в открытом море, и поступают при этом так: после предварительного освящения жертвы бьют ее по голове дубиной; по словам одних, тело жертвы (отрезавши голову) бросают вниз со скалы, на которой помещается святилище, а голову насаживают на кол. Сами тавры называют женское божество, которому приносятся такие жертвы, Ифигенией, дочерью Агамемнона“. (103). Как видим, сохранившие независимость во времена Скифии тавры оказались сидящими в недоступном углу Понта у самого центра бывших киммерийских земель. Следовательно, мы имеем полное основание отождествлять их с остатками рассыпанной скифами ассоциации киммерийских государств-колоний.

том кровь убитых относят на кучу хвороста и льют ее на меч“. Затем отсекают правые руки жертв и бросают в воздух, оставляя лежать там, где они упадут.

Бог, символизируемый мечом, водруженным на площадке из хвороста, и самый ритуал жертвоприношения весьма напоминают финикийских богов, например Астарту—Ашеру, наличие культа которой Геродотом отмечено у киммерийского осколка—тавров, или же Решепа—бога грома и молний, а также войны. В последнем случае Решепа выступает возможным прообразом славянского Перуна, бога грома-молнии и войны, в жертву которому также приносились пленные.

Также мы видим, что тавры и при скифах сохраняют морской флот и продолжают жить пиратством, лова эллинские торговые корабли в открытом море и делая набеги на приморские страны, то есть занимают-ся хотя и в меньшем, чем прежде, масштабе, но все же совершенно тем же, чем, по Страбону, некогда грозные киммерийцы занимались еще во времена Гомера.

Наличие у тавров культа Ифигении, якобы бывшей дочерью микенского царя Агамемнона, позволяет видеть в них если не прямых потомков древнейших выходцев с Эгейского моря, уводящих нас к эпическим временам Троянской войны, то во всяком случае их туземных преемников, унаследовавших с большим или меньшим количеством крови эгейских колонистов Тавриды и их многие черты. Об этом смешении мы уже слышим в легендарном рассказе Гомера о переселении в Колхиду Геллы и Фрикса и о женитьбе последнего на дочери царя колхов — Эита.

О том же сильном вращении эгейцев в толщу коренного населения свидетельствует и Геродот, говоря о скифо-элинах (правильнее следовало сказать сколото-эгейцах) и элинах, подобных гелонам, которые постепенно утрачивают свои племенные черты и связи, растворяясь в массе аборигенов до того, что Страбон уже готов в них (геллах) видеть просто одного из представителей „скифского племени у Каспийского моря“ (XI—5—1).

Ряд черт и признаков, сохраненных историей о таких черноморских поморах, как колхидяне, тавры, керсонесцы, тириты и др., невольно в нашем сознании вызывает представление о древнейших „пенителях морей“ — экзотических южанах, финикийцах.

„Чернокожие“, курчавые, применявшие обрезание колхидяне обратили на себя внимание уже Геродота, произведшего по этому поводу специальное изыскание и пришедшего к выводу об их „египетском“ происхождении.

Он отмечает: „только колхидяне и египтяне готовят полотно одинаковыми способами; кроме того, весь образ жизни и язык обоих народов одинаковы. Правда, колхидское полотно эллины называют сардинским, а полученное из Египта — египетским“ (11—104—105). Появление колхидян на Кавказе Геродот связывает с походами героического Сезостриса (Сенусерта III), „первого из египетских фараонов, вышедшего из Аравийского залива на длинных кораблях“ (102) и покорившего сухопутьем Малую Азию и даже Скифию (103); то есть с восходящим к началу II тысячелетия периодом XII династии, когда Средне-Египетское царство достигло своего наибольшего могущества. Но так же оседание финико-египтян на Кавказе может быть отнесено и к позднему периоду трехсотлетней завоевательной трансгрессии Египта. Начало ее положила царь XVIII династии Яхмес I, весьма расширивший владения фараонов в середине II тысячелетия. В эти времена, действительно, палестинские финикийцы нераздельно входили в состав Египта, как это мы видим из документов Тель-эль-Амарна. Все морские операции и поручения Египта, по существу никогда не имевшего собственного морского флота, тогда выполнялись финикийцами (вспомним, например, знаменитый обезд Африки при фараоне Нехо II около 606 г.). Искусное искусство и преимущества финикийских корабельщиков в древности были вне конкуренции и сохранялись еще долгое время и после, о чем свидетельствуют Ксенофонт, — („О домоводстве“ — *οικονομικος*, 8, 11) — отмечая изумление греков образцовому порядку на борте финикийских кораблей, искусному пользованию каждым клочком пространства, умелому распределению поклажи, образцовой дисциплине команды и т. п. Указание Геродота, что якобы Сезострис поселил в Колхиде часть своих войск, легче всего могло относиться не к собственно египтянам, но к прирожденным основателям колоний — финикийцам, обогнувшим с флотом по морю Малую Азию во время сухопутного шествия по ней завоевателя. Именование греками колхидского полотна сардинским говорит также в пользу финикийцев, имевших в Сардинии свои колонии.

Кроме того, Геродот в начале своей „Истории“ (I. 1—2), указывая на возникновение распри между предками эллинов и финикийцами, зародившейся якобы на почве похищения женщин, определенно к финикийцам причисляет и колхидян с троянцами.

Помимо этого прямого указания Геродота на экзотическое происхождение колхидян, мы и в их бытовых и культовых чертах, насколько они запечатлелись в сказаниях, видим

все те же финикийские тени. Например, в походе „славного быстроходного корабля Арго“ к берегам Фазиса (Рион) мы видим, хотя бы по рассказу Аполлодора, что аргонавтам, после похищения золотого руна, пришлось убежать от флота колхидян. При этом, не взирая на все мореходные достоинства Арго, к тому же управлявшегося полусотней доблестных героев, да еще убежавшего из Фазиса ночью тайком, в заведомо ложном направлении, Арго все же скоро был настигнут флотом оборонительного колхидского царя Эита и удалцам грозила суровая кара. Но здесь выступает на сцену соучастница кражи дочь Эита—колдунья Медея, влюбившаяся в аргонавта Ясона и организовавшая для него кражу и побег. Она, дабы спасти беглецов от наседавших колхидян, приносит в жертву плененного аргонавтами юного сына царя Эита, своего брата Аспирта. Аспирта разрубили на куски и побросали в море, а колхидяне, якобы, вылавливая части трупа, потеряли при этом темп преследования.

Б. А. Тураев в описании финикийн говорил, что тирские и карфагенские мореплаватели находили необходимым умилостивить покровителей водной стихии человеческими жертвами. Так... осажденные Александром тиряне рубят на куски на стенах города пленных солдат и бросают в море" (История древнего Востока II, ст. 17).

Разве поступок, приписываемый греческим сказанием колхидской принцессе, не является ярко финикийским, дополняющим картину беспомощного бегства корабля героев Эллады от флотилии искусных мореходов—Колхиды?

Повидимому, не простым совпадением должны объясняться древние названия Испании и Грузии, крайних земель допускаемого распространения финикийских колоний—Ибериями.

Относительно мореходов тавров также можно заметить, что в их культе Ифигении, как его изображает Геродот, человеческие жертвоприношения имеют специфические черты финикийского ритуала Астарты—древесницы Ашеры. Фетишами этой богини были деревья, впоследствии перешедшие просто в священные колья, ставившиеся в храмах и на жертвенных площадях и также называвшиеся ашерями. На такие вот колья, как мы видели, и нанизывались жертвенные приношения тавров. Следовательно, и эти древне-понтские мореходы поразительно напоминают финикийцев.

Херсонесцы—жители города Херсонеса Таврического, считавшегося древнейшим отпрыском Гераклеи Понтийской, являют не менее яркие черты принадлежности их к той же группе поселенцев финикийского корня. Город их—морской форт, осевший на острове близ нынешнего Севастополя и отгородившийся от континента мощными недоступными стенами, как „островок суши“,—повторяет исконную традицию финикийских колоний, опиравшихся только на флот с расчетом на недоступность с суши. Что херсонесцы не эллины—позднейшие восприимчики многих финикийских основ—следует из клятвы граждан, сохранившейся в надписях Агасикла на стенах города—всемерно охранять свою крепость и свободу так же, как и секреты города в равной мере и от варваров, и от эллинов.

И самое географическое название „Херсонес“, ныне определяемое как греческое слово „полуостров“, или, точнее, „остров суши“, совершенно не встречается в изрезанной полуостровами коренной Элладе и в то же время как бы маркирует широкие сферы финикийского распространения.

Помимо основного или Великого Херсонеса—Таврического с противоположным ему Херсонесом Тирахейским—выступом Керченского полуострова, отвечавших центру киммерийской оседлости на берегах Понтийского моря, не менее популярным был и Херсонес Фракийский. Этот „остров суши“, входивший в область Троады,—некоторая часть галлипольского полуострова, омываемого водами Геллес-понта. Кроме них, в области древнего Пунта (Индийский океан) пользовался известностью и Херсонес золотой, связываемый с Малаккой, бывшей в библейские времена поставящей офирского золота для финикийян.

На другой окраине древнего мира известен еще и Херсонес Кимврийский—по Птолемею—северный конец Ютландского полуострова. Этот Херсонес также назывался и Nimbres ussel, что значит Кимврийский остров и Nimmer-land, что совершенно закономерно перевести как Киммерийская страна. Здесь мы видим, что древнее готско-германское географическое название ставит знак тождества между кимврийцами и киммерийцами, в полном согласии с утверждением авторитетнейшего географа—классиков Страбона, что киммерийцы и кимвары—лишь равновременные (равноязычные?) названия одного и того же народа.

Киммерийские переселенцы, пришедшие от северных берегов моря (Пунта) вдоль Дуная и границ Римской империи к ютландскому поморью, возможно что и здесь отгородились на конце полуострова, создав себе недоступную с континента территорию—„остров суши“, — Херсонес, который на римском диалекте мог обозначиться как Кимврийский.

Распространение уже в глубокой древности названия „Херсонес“, далеко за пределами вод Средиземного моря, только и могло быть связано с финикийским мореходством, бывшим, безусловно, мировым.

Наконец, тириты из города Тира уже по самому названию своего полиса позволяют подозревать в нем одну из колоний Тира Ханаанского.

Таким образом, на широком фронте былого расселения киммерийцев мы встречаем ряд поселений, бытовые и религиозные черты населения которых заставляют нас подозревать наличие в нем племенного элемента, родственного и для финикийцев.

В этом освещении киммерийцев, как северной ветви пришлых яфетидских поморов, восточной ветвью которых являлись финикийцы, для нас становится понятным и ценным закаспийское предание о гибели в Мешех-и-Мисриане египтян, с которыми отождествлялись финикийцы, распространившиеся под эгидой „Сезостриса“ по свидетельству Геродота „даже до Скифии“ (103).

Древнейшие сказания эллинов о восточных плаваниях, восходящих еще к середине второго тысячелетия—как Фрикса и Геллы или аргонавтов, говорящие об оседании части участников в дальнейших углах их морского пути, как, например, Фрикса в Колхиде или фессалийца Армена в Закавказьи (на Араксе), заставляют нас признать глубокую древность и широкое распространение на восток так называемой „греческой колонизации“. От усатовских некрополей около Днестра к дербентской цитадели на Каспии и далее к берегам Закавказского Аракса (большого собрата малого Аракса в Элладе,³¹ и даже, повидимому, вплоть до устья Аму, протянулась древнейшая нить колоний поморов, которых мы позже отождествляем с греками.

Но несколько ранее мы пришли к тому, что границы былого расселения киммерийцев располагались приморским поясом как-раз в тех же пределах от Аракса до Днестра, близ которого киммерийцы похоронили покончивших с жизнью царей своих многочисленных государств-городов.

Усатовские курганы около Одессы с их культурой, сопоставляемой с доэллиническими культурами Средиземноморья, очень может быть и есть та последняя киммерийская пядь в Черноморьи, к которой относятся слова Геродота: „все цари были перебиты друг другом, а народ киммериян похоронил их подле реки Тиры,—могила эта видна и теперь еще,—и после похорон удалились из своей земли“ (IV—II).

Итак, не устанавливая расовых корней всей совокупности племен, составлявших киммерийское объединение, мы приходим к пониманию собственно киммерийцев, как ранних эгейских колонистов, оседавших в приморской полосе и входивших в смешение с аборигенами (повидимому, в основном, племенами группы каспиев). В самом названии их—киммерийцы (*κιμμερῖοι* — классиков, гимирри — ассирийцев и гомер—Библии)—вероятен греческий (или быть может даже финикийский) корень, обозначающий зиму или север, как определение их северного местожительства по отношению к исходному Эгейскому морю.

Одним из центральных племен, находившихся под эгидой киммерийского объединения северных колоний, по существу живших пиратством, очевидно, были земледельцы борисфенито-сколоты. Такое предположение согласуется как с преданием сколотов, что они сидят уже на берегах

³¹ Страбон (XI—14—13). „Пеней называется Араксом, потому что, протекая по Темпейской долине, он оторвал Оэсу от Олимпа“.

Днепра с середины второго тысячелетия до нашей эры, так и с указанием Страбона, что и киммерийцы также еще в не менее древние времена догомеровской старины тревожили набегами южные приморские страны.

Нашествие кочевников-скифов уничтожило приморское киммерийское объединение, в значительной степени вытеснив и отчасти поработив аборигенов Киммерии, а также примыкавшие к ним народы, но не убив у тех и других культивировавшиеся киммерийцами тысячелетие пиратские вкусы. Сохранившие свободу и родные земли—киммерийский осколок—тавры, продолжали и при скифах жить своим ремеслом морских разбойников, лишь в соответственно меньшем масштабе.

Впоследствии, с гибелью Скифской орды, у начала нашей эры под ударам новых переселенческих волн с востока, на этот раз не задержавшихся долго в южно-русских степях, но прошедших на запад, бывшие в прорабощении у номадов племени геродотовской Скифии вновь приобретают свободу и в значительной степени, отдаваясь зову киммерийской крови, возвращаются к широкому ушкуйничеству и пиратству. И снова после более чем тысячелетнего перерыва, начиная с VI века нашей эры, страны на юге Черного моря, объединившиеся в Византийской империи, застонали, под налетами почувствовавших волю теперь уже скотских стругов. А на юге Каспия до X века, пока существовал водный проход по системе Маныча, славянские флотилии собирали пиратскую дань с земель Албании и Персии.

10. ТРАНСГРЕССИЯ ЕГИПТА И КОЛОНИЗАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ПУНОВ-КИММЕРОВ

Итак, возвращаясь к нашему исходному положению, мы заключаем, что упоминаемые Городотом „Киммерийские стены“ в полной мере могли соответствовать древне-дербентским стенам. Вместе с этим момент основания укрепления или фактории Гелды (или Джелды) на месте Дербента должен быть отодвинут к более раннему сроку, нежели ближайший к нам момент последнего стояния Каспия „в дни Патрокла“ на уровне +20 метров — „верхней культурной террасы“.

VII век до нашей эры — время путешествия к исседонам, то-есть, по нашему мнению, в Гелду Аристея — также еще, видимо, не отвечает первым дням этой колонии.

Наиболее вероятным историческим моментом, приведшим к возникновению Гелды, нам представляется вскользь упомянутый Геродотом период великой трансгрессии Египта, связываемой историком с именем фараона Сезостриса (Сенусерта), „первого вышедшего из Аравийского залива на длинных кораблях“ и покорившего живших вдоль Ерифейского моря народы“ (11—102), а по суше прошедшего Малую Азию и Балканы до земель Черноморской Скифии и Кавказа. Вот тогда-то, как говорит Геродот, „некоторые из его (Сезостриса) воинов остались на реке Фасиде“ (103). В этом аспекте колхидский базис намечается первым этапом оседания египто-финикиян на восточной окраине Понта. Следом за тем Колхида выдвигает свои новые фактории далее к Азовскому морю, в числе которых „греческое, вероятно очень древнее предание“ называет „связанных с древнейшей династией колхидских царей“³² Пантикапей (Керчь) в Боспорском проливе. Возникающий далее в устьи Дона-Маныча — Танаис уже „считается колонией Пантикапея“. Следующая на восток колония (возможно, Танаиса) на выходе из Маныча в Каспий — Гелон, и дальнейшие, уже каспийские, колонии должны рассматриваться как логическое развитие колонизационного процесса от базиса, наметившегося на берегах Фасиды еще в первой половине второго тысячелетия до нашей эры.

Сколь скоро после оседания в Черноморском бассейне „египетских“ выходцев из бассейна Средиземного моря они распространились в Азовский и далее Каспийский бассейны — остается открытым вопросом. Единственный намек на возможную глубину этого момента мы имеем в передаваемом Страбоном извлечении из Гомера о поселении на Араксе фессалийца Армена, упоминаемого в числе аргонавтов, то-есть егейских плователей середины второго тысячелетия, как-будто проникших и в воды Каспия. По этим, уже не осязательным данным возможное время зарождения Гелды-Дербента намечается в период между VII и XV веком до н. э.

³² М. И. Ростовцев „Эллинизм и иранство на юге России“.

В заключение еще бегло коснемся эволюции в топонимике морей, поскольку в ней, по нашему мнению, отразился этот огромного культурного значения процесс проникновения древнейших пенителей морей из далекого чуждого мира в континентальные воды Евразии.

Авеста, перечисляя известные ей моря, говорит о малоречном море „Камрод“ (Kamrod)—Арале, море Рума, темносинем „Хашен“ (Xasen)—Черном, море мировой реки-океана—„Вору-каша“ (Vouru-Kasva)—Каспии и, наконец, о самом большом гнилом море мелей и приливов—отливов „Путике“ (Putika), которое мы ныне называем Индийским океаном³³.

Египетские источники берега последнего моря именуют „землей богов“ „Пунт“ (Punt), а также „Пуони“ (Puoni). Индонезия до сих пор хранит это имя у берегов Малакки и Суматры почти в авестической чистоте—„Путих“ (Putih—немецкое, Poetih—голландское), совместно с не менее древним именем Офир (Ophir—немецкое).

Геродот, рассказывая о происхождении финикийцев, говорит, что они впервые пришли с востока в бассейн Средиземного моря „от так называемого Эрифрейского моря (запад Индийского океана) и поселились здесь в той земле (Ханаан), которую занимают и теперь“ (1—1). Тогда же они основали и город Тир, „а от основания Тира, продолжает историк, прошло 2300 лет“ (11—44).

Финикийяне—имя греческое, обычно производимое от *φινικός* темно-красный, пунцовый. Римляне же этот народ, пришедший из пределов „Путика“, „Пунт“ (или „Пуони“), обозначили именем пуны (puni, роени). Вся совокупность данных заставляет признать, что перед нами не случайное совпадение названий, области и народа, но явление причинного порядка. При этом римский язык фонетически, видимо, лучше чем греческий отразил в наименовании народа название области его исхода. Конечно, такие созвучные слова различных языков, хотя и возникают одно из другого, тем не менее в смысловом значении могут не иметь между собою ничего общего.

Черное море Гомер называл „Море Негостеприимное“—„Аксен“ (Αἴθουον, Страбон, VII, 3, 6), созвучно с авестическим названием „Море Темносинее—Хашен (Xasen), под каковым именем мы только и знаем его в древнейшей истории.

Проникновение ранних мореплавателей финикийя в бассейн Черного моря, намечившееся еще в начале второго тысячелетия до нашей эры, и последующий пышный расцвет их колоний там должны были вызвать широкое общение их с родственными колониями Средиземного моря, что очевидно, и привело к указываемому Страбоном переименованию прежде „Негостеприимного Аксена“ в „Гостеприимный Эвксин“ (Εὐξείνου). Вместе с этим, уже в VI веке до нашей эры, в дошедших до нас отрывках „Землеописания“ Гекатея Милетского в обозначении Черного моря, по видимому, впервые появляется название Понт³⁴. Геродот это, для него

³³ См. А. Фрейман. Название Черного моря в домусульманской Персии.

³⁴ У ранних классических писателей чуждое им название Понт, очевидно, одновременно ассоциировало с представлениями о море и темнокрасном цвете, характеризовавшими древнейших владетелей морей финикийцев, обычно называвшихся „красными моряками“, а Геродотом даже „черными“ (Колхидяне, 11—104), то-есть, по видимому точнее „темнокрасными“. Несомненно, того же корня, что и Понт и название плода „понтика“, по Геродоту (IV—23), употреблявшегося на Кавказе в пищу агрипеями и отвечавшего, по нашему представлению, темнокрасному туту. Таким образом „темносинее“ море Авесты невольно переходит в „темнокрасное“, классиков.

еще свежее нововведение, сопровождается дополнением „т а к н а з ы в а е м ы й т е п е р ь П о н т Э в к с и н с к и й“ (1—6), очевидно для приведения в связь со старыми названиями „Аксен“, „Эвксин“, а также, быть может, для отличия от других пунизированных вод (Пропонтида, Гелеспонт, Понт-Кипрский = $\rho\epsilon\acute{\iota}\omega$ Πόντος, Пунт). В то же время название „Понт“ оказывается принадлежащим и приморской провинции (объединению эгейских колоний), занимавшей первоначально лишь узкую полосу берега от мыса Язония до реки Галлиса.

Таким же следом былой пунизации Черного моря, как появление названия Понт, по нашему мнению, является и название Поти, участка в дельте Фазиса-Риона, где, как мы видели, возник один из древнейших центров оседлости Черноморья—колхидский базис финикийской экспансии на северо-восток от Средиземного моря, распространившейся затем вплоть до Каспийского моря. Здесь пуны, верные своей традиции, оседали в населенных местах побережья, создавая города и фактории для эксплуатации природных ресурсов и населения приморья.

Все сказанное позволяет нам лежащую на 20 метров выше уровня океана культурную террасу Каспия, к которой приурочены его древнейшие, первоначально приморские города, как Гелон, Гелда (Дербент), Решт, Амуй, Астрабад, Мисриан и др., охарактеризовать наименованием Пунической террасы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
1. Дербент—город террасы древнейших памятников Прикаспия	5
2. Скифия по Геродоту	8
3. Окружающие Скифию народы	13
4. Движение номадов Закаспия через Аракс в земли Киммерии	17
5. Древнейшие аборигены Прикаспия	22
6. Кавалерийский рейс Мадия на юг от Аракса	26
7. Гог и Магог Иезекииля	28
8. Рош, Мешех и Тубал и следы их связей с Египтом	31
9. Киммерийское объединение	33
10. Трансгрессия Египта и колониционное движение пунов-ким- меров	39

55 (651)
55 (651)
39
902

БИБЛИОТЕКА
Государственного Имп-та
Академии Наук СССР

Цена 1 р. 50 к.

АН-99-5-4

5938

5938

ÇƏNUBİ QASPI HƏVALISININ
ERAMBZDAN QABAQKƏ
BİRİNÇİ MINİLLİKDƏ
TARIXINƏ DAİR